

Многогогие ...

*Сборник
65-летию
факультета журналистики УрГУ
посвящается*

Екатеринбург
2001

ББК 84
М 735

Составители

Евгений Ашихмин

Андрей Кононов

Макет

Е. Якубовская

Сдано в набор

04.02.01

Подписано в печать

16.04.01

Печать офсетная

Тираж

150 экз.

Заказ 1125.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

М 735 Многоточие ...: Сборник. 65-летию факультета журналистики
УрГУ посвящается / Сост. Е. Ашихмин, А. Кононов. Факультет
журналистики УрГУ. — Екатеринбург, 2001. — 114 с.

ББК 84

© Факультет журналистики УрГУ, 2001

Краткая преамбула к сборнику

Этот сборник — первый (и надеемся, что далеко не последний) проект недавно созданного полноценного профбюро факультета журналистики. Основными участниками проекта являлись студенты нашего факультета — собственно те, для кого и создано профсоюзное бюро и те, без кого бы данный проект не осуществился.

Основная идея проекта “Журфак-65. Избранное” — это дать возможность студентам раскрыть свои таланты, не откладывая это на более поздние сроки, не позволить им “зарыть” их глубоко в душу.

Активность наших студентов еще раз доказала, что журфак — самый творческий факультет в Универе. Действительно, очень многие студенты представили свои материалы для публикации в сборнике, и нам было очень трудно “резать по живому” — отбрасывать какие-то материалы. Мы хотели опубликовать все, что получили, дабы никого не обижать, но необходимо было уложиться в положенные рамки. И нам пришлось что-то отложить до следующего тома сборника. Нецензурные слова и выражения и прочие гадкие элементы отсеивались, хотя, если сказать честно, текстов с подобными вещами было очень мало.

Говорить о дебюте наших авторов не приходится — все-таки факультет журналистики как никак, но будем

надеясь, что, как говорят, из искры возгорится пламя
— и вскоре мы сможем увидеть на прилавках книжных
магазинов до боли знакомые имена...

Евгений Ашихмин, куратор проекта

ГИМН ЖУРФАКА

(официальный)

Он парень был что надо:
Отважен и хитер.
Шагал под вой снарядов
Веселый репортер.
На танке, в самолете,
В землянке, в блиндаже —
Куда вы ни придете,
До вас он был уже.

Припев (2 раза):

*И вышли без задержки
Наутро как всегда
“Известия”, и “Правда”,
И “Красная звезда”.*

О взятии плацдарма,
Что ровно в полночь пал,
Он раньше командарма
На полчаса узнал.
Во избежанье спора
Напоен был пилот,
У генерал-майора
Был угнан самолет.

Припев (2 раза)

В блокноте есть три факта,
Что потрясут весь свет;
Но, как назло, контакта
Всю ночь с Москвою нет.

Он, чтобы в путь неблизкий
Отправить этот факт,
Всю ночь с телеграфисткой
Налаживал контакт.

Припев (2 раза)

Под Купянском в июле
В траву, в степной простор
Упал, сраженный пулей,
Веселый репортер.
Блокнот и "лейку" друга
В Москву, давясь от слез,
Его товарищ с юга
В редакцию привез.

Припев (2 раза)

Но песня не допета,
По свету до сих пор
Другой шагает где-то
Веселый репортер.
На танке, в самолете,
В землянке, в блиндаже —
Куда вы ни придете
До вас он был уже...

Припев (2 раза)

Выходят без задержки
Наутро как всегда
"Известия", и "Правда",
И "Красная звезда".

ГИМН ЖУРФАКА

(неофициальный)

Я по свету немало хаживал,
Жил в общежитии, учился в УрГУ.
Меня ректор не раз выпроваживал,
Но уйти просто так не могу.
И привык я собою гордиться,
И всегда повторяю слова:

*Я люблю на журфаке учиться,
На журфаке учиться — лафа (2 раза).*

Снова вспомню, то знойное лето,
Как приехал я в Новокузнецк,
Засимович, редактор, за это
Обещает мне полный... абзац.
Но врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась моя голова.

*Пусть он ставкой своей подавится,
На журфаке учиться — лафа (2 раза).*

Гений Бондарев грозные тучи
Собирает опять надо мной.
Но Лозовский, декан самый лучший,
Снова станет в защиту горой.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась моя голова.

*Пусть стипендия мне только снится,
На журфаке учиться — лафа (2 раза).*

Снова грянут суровые будни:
Семинары, зачеты, война...
Но колхоза бояться не будем,
Снова нам передышка дана.
И привык я собою гордиться
И всю жизнь повторяю слова:

*Я люблю на журфаке учиться,
На журфаке учиться — лафа (2 раза).*

(Речетатив) Рейган — козел (2 раза).

*Я люблю на журфаке учиться,
На журфаке учиться — лафа (2 раза).*

Осенний китайский мотив

Желтые листья, нежные листья
Ветер несет и несет по земле.
Осени песня, грустная песня
В шорохе листьев слышится мне.

Желтые листья, нежные листья
Осень срывает дыханьем своим...
Ветер холодный, кажется, шепчет
Что-то осеннее листья сухим.

Осени песня, грустная песня
В желтой метели ясно слышна.
В шорохе листьев, в шелесте листьев
В шепоте с ветром родилась она.

1958—1960

* * *

Живу предчувствием весны,
Живу предчувствием начала,
Как будто не существовало
Того, что прежде волновало
И заставляло верить в сны...

Живу предчувствием тепла,
Живу предчувствием рассвета,

Как будто весен всех приметы
Совсем не совпадают с этой —
Сгорело прошлое дотла.

Живу предчувствием... и знаю
Все эти встречи наперед:
В них жизнь и боль, в них жар — и лед....
Но если старое придет,
Его я просто не узнаю...
Живу предчувствием весны.

* * *

И где же память та, и где та боль?
Куда исчезли встречи и прощанья?
Как будто люди отыграли роль,
И не было ни счастья, ни страдания.

И не было ни горя, ни любви,
Друзья твои не жили по соседству,
Не разрывалось сердце у вдовы,
И не существовало вовсе детства...

Я вдаль гляжу и горестно молчу,
Над пепелищем памяти склоняюсь.
Я только одного сейчас хочу,
Чтобы со мною это все осталось:

И эта осень, льющая свой свет,
И эти избы с грустными глазами,
Чтобы со мной осталась на мой век
Способность плакать светлыми слезами.

* * *

Все это — мне ?

Зеленая трава, седая от мороза утром ранним,
Парок над полем, тот, что выдает
Дыхание земли, еще хранящей солнце,
Пронзительная нежность
Берез на косогоре опустевшем,
Ледок на лужах, голубой от неба,
И гордые головки камыша
С сухим потрескиванием на ветру осеннем,
Тепло избы и запах пирога
Со свежей рыбой, выловленной утром,
Еще недавно серебром блестевшей
На гладком и прозрачном первом льду,
Завалинка у дома,
И на ней — хозяин в довоенной телогрейке...
Щемящая до боли красота
Неброская, простая и земная .
Все это — мне ?

* * *

Внезапно в сон ворвался теплый дождь.
Его язык похож на детский лепет.
Я сразу поняла : восточный ветер
Принес его из дома в эту ночь.

А дождь шептал настойчиво во тьме
Слова привета, как слова молитвы,
И, обессилив, как от долгой битвы,
Вдруг затихал и засыпал во мне.

Я кажется спала — и не спала,
Качаясь на волнах воспоминаний,
Под бормотанье тихих заклинаний,
Я словно близких сердцем обрела.

Они — я это знаю — говорят
Со мною языком дождя и ветра,
И так, как я, они далеко где-то
Вдруг — непонятно отчего — не спят.

... Но дождь закончил тихий разговор,
Как будто исчерпал слова привета.
И, благодарная ему за это,
Я посмотрела из окна во двор.

А ночь была, как в самом дивном сне,
И сосны тихо плыли в лунном свете...
Воспоминаньем о балтийском лете
Та ночь навек останется во мне.

* * *

Две доченьки, два полюса,
Две стороны души...
Смотрюсь я в них, как в реченьку,
Прозрачную и светлую:
Одна журчит по камушкам
Прозрачную струей.
Другая, как хрусталинка,
На дне ее блестит.
Одна, как красно солнышко,
Другая — как луна.

Две доченьки — два полюса,
А вместе — я сама.
Одна — мой смех и радость,
Мои любовь и детство.
Другая — сновидение,
И тайна, и печаль...
И эти два различия
Мной отданы в наследство
Двум дочкам — половиночкам
Одной моей души.

* * *

Какая белая зима!
Какое чистое веселье!
И занесенные дома,
И город — как монашья келья.

И не было еще беды.
Я — “чистая доска”. Я — птица.
И не оставлены следы.
И не исписаны страницы

* * *

Я так хочу пока не знать,
Не плакать и не удивляться,
Не ведать, не предполагать,
И не болеть, и не смеяться.

Хотя бы день, хотя бы миг
Хочу побыть я белой птицей
С душою, белою, как снег,
С судьбою — чистою страницей.

* * *

Весна к нам не торопится прийти,
И солнце не заглядывает в души,
Апрель нетороплив и несмешлив,
Не хочет наших заклинаний слушать.
Мы ждем весну как некого миссию,
Надеемся, и просим, и зовем...
О, милая, несчастная Россия,
Взмахни над нами солнечным крылом.

Синие дали

Где это было? А помнишь, мне было хреново?
Синие дали злорадно смеялись и звали.
День начинался и падал все снова и снова.
Листья желтели и в прятки со мною играли.
Это последние кадры. Прости, не успела.
Синие дали, скажите, зачем вы так больно?
Солнце зашло, перед этим ладони согрело.
И отпросилось на месяц, вот так самовольно.
Ветер устал и закашлял — такое бывает.
Синие дали, вы только мне путь укажите.
Как оглушительно город сегодня сверкает!
Синие дали, прошу вас, меня подождите...

* * *

Касание точное. Сердце не помнит, не стонет.
Я задыхаюсь в дыму сигаретных потемок.
Кто это плачет? Кого там насильно хоронят?
Хватит на водку — в кармане, по-моему, сорок.
Греться в ларьке — ну, совсем непутевое дело.
Я бы к тебе, только ноги не сдвинутся с места.
Я улыбаюсь кондуктору бодро и смело
И четко вру, что в кармане лежат два билета.

* * *

А мне хочется кленть повсюду афиши с весной,
По утрам протирать горизонт или плакать
ночами.

Я могу тебя за руку взять, увести за собой,
Но ведь ты перетопчешь все звезды вверху
сапогами.

* * *

Все просто до света и ясно до солнца,
А я потеряла стихи в коридоре.
В автобусе кто-то под ухо смеется,
И выжжено снегом "весна" на заборе.

Сжимаю до боли бутылку с похмелем —
Какой это кайф — замереть и растаять.
Давайте всем скопом во что-то поверим,
И будем, как волки, метаться и лаять.

А мне бы туда, где кончается город,
На первой попутке, на первом трамвае.
Охрипшими связками с небом поспорить,
И так распрощаться до чистого мая.

Но в варежках мерзнут не руки, а кольца,
И лавочки мимо, как бред, проплывают.
А прямо над шапкой орущее солнце
Орет, что весну за углом убивают.

* * *

Сорняки легли под снегом.
Я беру в руки синюю краску —

И теперь на белом и чистом
Буду новую жизнь рисовать.

Перед пьяным, небритым веком
Я стою, сочиняю сказку
С человеческим каким-то смыслом
И валюсь обратно в кровать.

Что я сделаю с этим небом?
Я живу пока на девятом,
Для того, чтобы мне подняться,
Нужно длинное сердце иметь.

Эту водку закусывать хлебом,
И врага называть своим братом,
И над каждой бедой смеяться —
В бесконечности замереть.

* * *

Давай забуримся с тобой в подворотню,
Там звезды и небо и выпьем по пиву.
Устройся получше, я что-нибудь вспомню.
И даже спую, если будет под силу.

Какие смешные сегодня сугробы,
Мне это знакомо до боли, до крика,
Осталось молчать или паяться в оба,
Но только до нового, дикого бзика.

Мне кто-то сказал, что любовь — это вера,
И счастье, когда за тебя помолились,
Но так оглушительно тукает слева,
А может быть, это все только приснилось.

Полночные мысли уже захрапели.
Не спи, вдруг проснуться уже не сумеем.
А все космонавты опять улетели,
Но мы здесь остались. Мы верим.
МЫ ВЕРИМ...

Ночной конфликт

Он ночью вышел из квартиры
И к лифту тихо подошел.
Тут ниндзя сзади медленно подкрался.
И отзвук тела, рухнувшего на пол,
Соседей разбудил в ночи.

Ноябрь. 2000

Сани

Омонимическое стихотворение

Саня ехал на "Ниссане",
У "Ниссана" марка "Санни".
Саня вез с собою сани.
Сани выпали у Сани.
Саня вышел из "Ниссана",
Что рожден под маркой "Санни".
Но пока искал он сани,
Увели "Ниссан"-то Санин.

Ноябрь. 2000

Где моя красавица,
Жизнь моя живет?
В закоулке старится,
Песенки поет.
Эх! Шальная ведьмочка,
Что ты ждешь теперь?
Ветер смерти бесится
В облаке потерь.
Ну, бывай, родимая,
На покой пора.
Люди нелюдимые —
Роится мошकारа.

* * *

Не осуждай меня внезапно,
Не говори мне злых и резких слов!
Любовь и боль возьми обратно,
Возьми обратно пламенную кровь!
Мне втягость эти размышленья,
Мне невозможно слушать этот глас.
Я не терплю, когда берет сомненье.
Я ухожу и ухожу в последний раз.
Мне надоела эта ревность без причины,

Ты пичкаешь меня, терзаешь.

Для чего?

Ведь я — душа, а значит я — невинна,

Ведь я — твоя..., так дай же мне тепло.

* * *

Я предрекла тебя, моя потеря,

Стихи писала, видела любовь.

Разлука шла вперед, судьбе поверив,

Любовь исчезла, остужая кровь.

Я знала и не знала о немногом,

Что вдруг касалось нас с тобой.

Я предрекла тебя, и разум строгий

Живет теперь в ладах с моей душой.

Я не люблю тебя, моя потеря!

Лица уже припомнить не могу.

Мы разные, чужие и навеки

Я отрекаюсь и тебя клянусь.

* * *

Когда-нибудь лето пройдет,

Пройдут наши чувства без меры.

Исчезнет любовь — ты поймешь:

Ничто на земле не проходит бесследно.

Когда мне плохо, я пишу стихи,
Которые никто не прочитает —
Они не хороши и не плохи,
Но жизни я без них не представляю.

Когда мне плохо, я сажусь играть
И снова три часа в пустой квартире
Гитара, флейта и рояль опять
Становятся единственными в мире.

Когда мне плохо, я ложусь в постель,
И плачу я — бесслезно и беззвучно —
Пускай метет в моей душе метель,
Я говорю: “Здесь все благополучно!”

Когда мне плохо, говорю себе:
“Я гордости слезами не нарушу!”
И верю, что придет в моей судьбе
Тот, кто их поцелуями осушит.

Обо мне

Я не могу уже плакать чистыми слезами —
Детство ушло.
Я не могу больше бегать по траве босиком —
Ее укрыл снег.

Я попрощалась со своими друзьями, —
Феями и колдунами,
И в лесу уже не живет Лесной Дух.
Я больше не тоскую по будущему —
Ведь у меня появилось прошлое.

Безнадежность

Смутно мне что-то живется;
Нет ни надежд, ни тревог.
Болью в душе раздается
Вновь телефонный звонок.
Я побегу к телефону —
Снова звонят не ко мне.
Я безнадежно притронусь
К тихой гитарной струне.
Где-то друзья потерялись
И измельчали враги.
Господи, что мне осталось?!
Только напевы строки?
Я не живу — существую;
Я не пою — говорю,
Чуждые губы целую,
В вечном горниле горю.
Это не жизнь, а болото,
Дымный угар от печи.
Я не могу без Кого-то
Тихо сидеть у свечи.
Хуже всего безысходность;
Нету другого пути.

Я-то, конечно, свободна,
Некуда просто сойти.
Разве оставить дорогу —
Лучше не быть, чем плестись,
Нет уж, посмотрим немного, —
Все ж переспорю я Жизнь!
Я безнадежно надеюсь.
Господи, если ты есть!
Мне не нужна эта “прелесть”,
Лучше отдай мне свой крест.
Экзамен. Вечер. Теолит.
Душа — в наркозе. Не болит.
Душа в зачатке бранный бред,
Учу сороковой билет.

Раскаянье

Ни в одном содеянном грехе,
Злом словце, бессмысленном поступке,
Ни в едином замке на песке,
Выборе, желании, уступке —

Не раскаюсь. Если лгу — не верь:
Всю меня бери ты — не иначе.
А не та — закрою молча дверь
И, быть может, чуточку поплачу.

Андрюша (Акро)

Посвящается А. Н. Кононову

Абитура вновь у нас в гостях —
Начинаем день за чашкой чая,
Диспутами встречи продолжаем,
Речи завершив на новостях.
Юная — вот слово — то какое! —
Шустрая — не даст ведь нам покоя! —
Абитура вновь у нас в гостях.

Ох, сомнения загрызли!
Самокритика навзрыд:
Все-то думаю о смысле,
Все-то душевника болит.

8 июня 1998.

Экзамены все ближе —
Захватывает дух,
Кидает — выше, ниже,
Как тополиный пух;
От ужаса — к восторгу,
И снова — сверху вниз,
То в горку, то под горку —
Крутись, держись, борись!
Твердишь: да не дрожи же!
Пощады не проси!
Экзамены все ближе...
О боже, пронеси!

Трамвай

Скорей бы уж пришел какой-нибудь трамвай!
Я не спешу домой, но я хочу отсюда.
Все сказано уже: Пока! — Не забывай!
Я через полчаса в другой вселенной буду.
Но я хочу глядеть в трамвайное стекло,
За капелькой следить, извилисто ползущей,
Свою тоску любить, карнеги всем назло,
И считывать огни машин, как руны кущей.

Быть может, мой трамвай застрял на полпути
Или неожиданно, вдруг, маршруты изменили.
А я боюсь, боюсь до холода в груди,
Что за стеной дождя есть я лишь в этом мире.

Да я б давно ушла! Но кажется — вот-вот,
Еще минута, две — и он придет, — пора бы!
Но время все летит, трамвай все не идет,
Лишь дождик все плетет узоры из парабол.

25 июня 1998.

Анна Гордеева, 3 курс

Как? Вас замучила ретроградная амнезия? И вы забыли, когда в последний раз радовали Себя сильной штучкой? Нет, я не умею читать мысли. Просто я решила, что новое тысячелетие обязательно должно принести в наши с вами карманы, ладошки или хотя бы души нечто новое, свежее и пушистое. Такое, как, например...

ШТУЧКА С РУЧКОЙ

Готова поспорить, что никто никогда не задумывался, сколько самых замечательных фантазий может вместить алюминиевое пространство обыкновенного ведерка для шампанского. Впрочем, эту поистине мажорскую штучку может с легкостью заменить ее рабоче-крестьянский аналог.

Согласитесь, не так уж сложно принять как данность ведро, стоящее под вашей кроватью. И до поры до времени о существовании этой (скажу по секрету) стильной штучки знаешь только ты, ее счастливый обладатель. Ведь она напоминает о себе лишь изредка осторожным позвякиванием, когда ты прыгаешь в мягкие подушки и одеяла, чтобы поспать часок-другой.

А сейчас самый ответственный момент. Пришло время давать инструктаж, хотя в нашем случае всегда возможно новое кризйт-решение.

Story number one.

Mega party 2000.

Ты отдыхаешь с друзьями в собственной квартире. Клубы сигаретного дыма втягивают в сладкие мечты. Но тут, как всегда, появляется одна маленькая, но

страшненькая проблемка: а что если нагрянет кто-нибудь из родственников? Конечно, этот кто-то тут же начнет громко кричать, вопрошая Господа Бога о причине бедлама, представшего взору. Нет, «Mentos» тебе не пригодится. Свежее решение возникнет само собой почти одновременно с легким движением руки, вытягивающей за ручку ту самую штучку из ее укромного местечка:

— Ребята, это пепельница!

В ответ дружный хохот, но, будь уверен, твое Ч/Ю оценили.

Далее обычно схема такова. Когда нет больше проблем, становится до ужаса скучно. В таком случае твой ход конем: ты вдруг вспоминаешь, что папуасы, играющие на там-тамах, жили весело. И ваша тусовка медленно, но верно превращается в дискотеку с живой ритмично-алюминиевой музыкой. Осторожно: обезумев от веселья, вы можете забыть о времени, пространстве и количестве выпитого алкоголя под кодовым названием «Рашен водка». Под утро приятели разойдутся, а ты останешься наедине с головной болью и навязчивым желанием поскорее расстаться с содержимым своего желудка. Твой верный друг поможет и здесь. Он застрахует тебя от мытья полов и стирки ковров. Ты ощутишь его холодное прикосновение и именно в эту самую минуту от души порадуешься тому, что не подарил его на день рождения своей двоюродной бабушке.

Story number two

(обратная первой, а может быть, ее продолжение).

Don't worry, be happy!

Милый тихий вечерок. Именно такой, когда хочется побыть подальше от всего шумящего, говорящего и

надоедающего. Пейджер как бы невзначай запнут под диван, телефон с телевизором вовсе потеряли дар речи как минимум до следующего полудня. Ты ешь себе вишневый йогурт с привкусом свободы и покоя, уткнувшись в любимый дайджест. Что еще может пожелать человек, измотанный цивилизацией??? И если кто-нибудь посмеет поколебать это сладкое уединение... Впрочем, незачем детально описывать то, что можно увидеть собственными глазами. Проще: ведро, поставленное над дверью, мягко приземлится на, видимо, и без того безмозглое создание, посмевшее в этот неподходящий момент переступить порог вашего дома. Можешь надеть ведро ему на голову, дабы уточнить свою мысль, после чего будь уверен, что ни один хомосапиенс без приглашения не заглянет на огонек.

Story number three.

You are the champion.

Наконец-то пришло время твоего выхода в свет. Но ты еще сладко спишь и ни о чем не догадываешься. Доброе утро! Сегодня оно действительно доброе, потому что не начнется с мата из-за того, что ты опять проспал лишний час или два и теперь целый день коту под хвост. Сегодня тебя все-таки разбудит твой тысячи раз проклятый будильник, ведь ты вчера не забыл положить его в любимую алюминиевую посудинку. И теперь он не пищит, а издает уверенные настойчивые вопли.

Солнечное настроение заставит пойти за пивом, в чем тебе также поможет незаменимая штучка (не всегда хочется искать пакет под пиво в порой совершенно непроходимых дебрях собственного жилища). Итак, твои уверенные шаги меряют широкую улицу. И тут. .

Она. . . красивая, стильная, интересная, может быть, давно знакомая, а может, случайная прохожая. Недолго думая, ты догоняешь, мягким движением останавливаешь это премилое существо и ненавязчиво так произносишь: «Девушка, подержите, пожалуйста, мое ведерко, у меня шнурок развязался». Ее улыбку ты уже заслужил. А еще заслужил кучу вопросов о том, почему с тобой не дипломат, портфель или сумка, а звенящая и весело отражающая солнечные лучики такая обычная и в то же время такая новая в твоих руках **ШТУЧКА С РУЧКОЙ.**

А это уже немало.

Р. S. Далее можно добавить преискуронт цен на ведра в магазинах города.

ВСТРЕЧА НА ПУТЯХ

Я стоял на остановке “Первомайская” и ждал электричку. Весенний ветерок приятно обдавал меня свежестью и вечерней прохладой. Внизу, под мостом, шумели проезжающие автомобили и последние автобусы. Трамваи уже не ходили — приближалась половина двенадцатого. Екатеринбург был весь в огнях, и это было красиво. Погода стояла отменная: снег стаял, было почти сухо, тепло, но не душно. Казалось, поэзия разлита в самом воздухе и с каждым дыханием грудь наполняется ощущением чего-то прекрасного и удивительного. В такие вечера хочется быть в компании друзей и шальных красавиц, пить пиво, смеяться и хохотать, пока слезы не потекут из глаз, и не защемит сердце или просто разговаривать о чудесном, предаваться воспоминаниям.

Но я был один. Друзья еще днем уехали домой, а мне пришлось задержаться в городе по своим делам, и я успевал только на последний рейс электрички. Конечно, можно было уехать завтра утром, но хотелось поскорей попасть домой. Кроме меня на платформе стояли только пожилая женщина с огромным рюкзаком, мать с мальчиком лет семи и какой-то неприглядного вида мужик

в грязной ушанке, порванной в некоторых местах куртке, с беломором в зубах.

Наконец, подошла электричка с высвеченной надписью “Асбест”, двери открылись прямо передо мной, и я вошел в вагон. Он был абсолютно пуст. Я прошел в середину и сел у окна. Двери с лязгом захлопнулись, включился где-то динамик и, похрипев что-то невнятное, быстро выключился, как будто понял, что пассажирам все равно ничего не разобрать. Поезд тронулся и не спеша поехал, постепенно разгоняясь. Вагон мерно покачивался. Ничто не нарушало тишины, только глухой стук колес да изредка хлопавшая дверь. За окном плыла тьма. Электричка была ярко освещена, так что я видел свое отражение на стекле.

Иногда я даже люблю ездить вот так поздно: никого нет, и ты можешь остаться наедине со своими мыслями. Однако сегодня что-то мысли не лезли в голову, а лезла какая-то чепуха, скомканные обрывки, и я скучающим взглядом пытался разглядеть что-нибудь в темноте. Виднелись только какие-то далекие огни да иногда появлялись в свете фонарей серые сиротливые домики, которые и днем-то нагоняют тоску, а сейчас казались еще более мрачными и пустынными.

На остановке “Чапаевская” в мой вагон вошел пассажир. Первое, что мне бросилось в глаза, были его черные солнцезащитные очки. Я удивился, почему он носит их в такое время суток. В дальнейшем я разглядел его лучше — вот его описание. Возраст — приблизительно за 40 (может быть 50 или даже 60 — трудно сказать в точности). Черты лица правильные, чисто выбрит, волосы темные, с сединой в висках. На голове — черный берет.

Очки в красивой серебряной оправе, стекло абсолютно непросвечивающее. Одет он был в темно-серое длинное пальто современного фасона, шея повязана белым элегантным шарфом, из-под пальто — светло-серый свитер (цвет очень приятен для глаза), черные брюки и черные ботинки с необычными пряжками, в руке — дипломат. На левой руке — очень дорогие часы, на правой — золотая печатка. Впрочем, и вся одежда, и кейс были очень дорогими — чтобы это определить, было достаточно одного взгляда. Поэтому мне показалось странным, что человек, который так одевается, ездит на электричке, да еще в такой поздний час; гораздо легче его было представить за рулем Мерседеса или Тойоты. Хотя... в жизни случается всякое, так что в этом не было ничего такого уж невероятного.

Должен отметить, что когда пассажир только вошел, в этот самый момент (а может быть, еще до этого?) у меня в подсознании появилось чувство, что должно произойти что-то необычное и приятное. На душе сразу стало веселее. Или это от пассажира исходило, так сказать, волны доброй энергии, а может, просто свежий весенний воздух ворвался сквозь открытые двери и принес с собой какой-нибудь неожиданный душистый ночной запах? Во всяком случае, этот человек сразу произвел на меня благоприятное впечатление и внутренним чутьем я понял, что от него не может исходить никакой угрозы, лишь только хорошее; если вы встречали таких людей, хоть это бывает редко, то сразу меня поймете. Даже его темные очки не создавали ему негативного образа, лишь только придавали некоторую загадочность.

Человек несколько секунд осматривался, как бы не решаясь, куда ему сесть, затем уверенным шагом прошел

и сел на скамейку, расположенную в соседнем ряду, по диагонали от моей, и поставил на колени свой кейс. Еще с секунду я рассеянно глядел на него, потом отвернулся к окну и задумался о чем-то своем.

Прошло минут пять. Я услышал, как пассажир снова встал, и повернулся в его сторону. Он направлялся ко мне.

— Извините, вы позволите? — спросил он, подходя.

— Прощу, — ответил я, указав рукой на противоположную скамейку.

— Благодарю вас, — сказал он и сел.

Я выжидающе посмотрел на него (так как глаз я не видел за очками, то свой взгляд я направил в центр лба). Сразу возникло чувство, что сейчас будет что-то интересное; то, что этот человек не будет морализировать и читать нотации мне, как представителю молодого поколения, было почему-то совершенно ясно.

— Я не помешал ходу вашей мысли? — спросил он и слегка улыбнулся.

— Нисколько. Напротив, как раз сейчас я ни о чем не думал. Мне бы и хотелось поразмышлять о чем-либо, но все мои мысли куда-то разбежались.

— О, уверяю вас, что это не так. Может быть, вам так и кажется, но я вижу, что вы обладаете живым умом и ваша мысль никогда не прекращает свою работу. Ваша мысль стремится выйти за стену пространства и времени и подняться над уровнем человеческого бытия. Редко встретишь человека с таким беспокойным и сильным духом, как у вас. Прощу вас, не подумайте, что в моих словах звучит какой-то сарказм — я говорю от чистого сердца. Поэтому, мне было бы интересно побеседовать с вами. У меня как раз есть с собой

бутылочка неплохого коньяка, я предлагаю распить ее и скоротать время за разговором.

С этими словами он приоткрыл дипломат и, действительно, извлек оттуда полную бутылку коньяка, судя по форме и этикетке, невероятно дорогого, пластиковую тарелочку с нарезанным дольками апельсином, обвернутую полиэтиленом, и, что самое удивительное, две рюмки причудливой формы.

Я привык, что последнее время в моей жизни происходят разные странные вещи и события, но это уж было чересчур.

— Надеюсь, вы не читаете мысли? — спросил я недоверчиво.

— Что вы, что вы, это было бы совершеннейшей бестактностью с моей стороны, — ответил он и снова улыбнулся. — Просто, глядя на человека, достаточно всего нескольких мгновений, чтобы по его облику разглядеть внутреннее содержание. Есть даже наука, которая учит, как это делать, и настоящие мастера с первого взгляда могут сказать о человеке практически все. Я, конечно, не ас и не способен на это, но для того, чтобы составить о человеке впечатление, достаточно и простой наблюдательности. Разве не так?

— Да, действительно, не так давно я и сам пришел к подобному выводу. У человека все написано на лице.

— Так вот, увидев вас, я сразу понял, что имею дело с человеком духовного плана. На вашем лице, как вы изволили выразиться, видна напряженная работа духа; кроме этого, вы отмечены печатью. Поверьте мне: уж я-то разбираюсь в таких вещах и многое вижу. Поэтому я и решил с вами выпить, угостить вас этим чудесным напитком. Надеюсь, вы не откажетесь? К сожалению,

нет настоящих бокалов для коньяка, и придется довольствоваться рюмками.

— Благодарю вас. Все, что вы говорите, очень лестно и, вместе с тем, очень удивляет меня, но, по-моему, вы преувеличиваете. Действительно, духовные запросы стоят для меня выше остальных, но, мне кажется, вы несколько идеализируете мою персону и, если разобраться по совести, я вряд ли заслуживаю таких слов. Прошу вас в свою очередь не принять это за своего рода кокетство польщенного человека. Я действительно так думаю.

Пока я говорил, мой собеседник откупорил бутылку и разлил коньяк по рюмкам. По вагону моментально распространился восхитительный аромат. Одну рюмку он протянул мне:

— Держите. Я рад, что мы поняли друг друга с полуслова.

— И... право же, мне неловко... — начал я.

— Не бойтесь, я не собираюсь вас отравить. Для меня большая честь выпить с вами. А чтобы вы ничего такого не думали, я пью первым.

Сказав это, пассажир выпил коньяк и положил в рот дольку апельсина.

— Нет, я не в этом смысле, — сказал я, — просто я не привык, чтобы меня вот так запросто, ни за что, ни про что угощали коньяком. И если уж на то пошло, то это вы оказываете мне большую честь.

— Ни слова больше. Закончим этот обмен любезностями. Я вас угощаю. Для меня это ничего не стоит, а вы мне оплатите беседой. Договорились?

— Договорились.

Я взял рюмку и выпил. За свою жизнь мне приходилось пить коньяки, в том числе и дорогие, и я

очень люблю этот напиток. Но я со стопроцентной уверенностью мог сказать, что такого я еще не пробовал и вряд ли когда-нибудь попробую. Золотистое тепло вмиг разлилось по моему телу, сознание необычайно прояснилось, я совершенно успокоился и ощутил себя полным сил и энергии.

— Превосходный коньяк, — только и смог выдать я, — даже слов подобрать не могу.

— О, да. Это хорошо выдержанный и достаточно редкий сорт.

Пассажир взял рюмки и заново наполнил их. Свою он приподнял на свет (коньяк сразу же заискрился и как бы загорелся изнутри), и, глядя на нее, задумчиво произнес:

— Посмотрите, какой великолепный цвет! Как играет луч света в бокале! А какой аромат! Это просто совершенство!

— Да, — согласился я, хотя с трудом понимал, что можно разглядеть сквозь темные очки, — впечатление, что это сама жизнь плещется в напитке, насыщая его всеми золотистыми оттенками и даря нас своим теплом.

— Что ж, давайте же вкусим, так сказать, этой жизни и насладимся ею. Давайте выпьем за неожиданные встречи, происходящие на таинственных ночных железнодорожных путях, ведущих в неизвестность и скрывающихся во мраке! Ибо кто знает, что окажется там, впереди? Давайте ловить каждое мгновение, чтобы в полной мере ощутить радость бытия!

— О, да вы настоящий поэт! Однако, то, что окажется в конце этого моего пути, мне известно. Это будет мой город, мой дом.

— Я поэт в гораздо меньшей степени, чем вы, если даже вы пока об этом еще не догадываетесь, — возразил мой попутчик. — Я беден в отношении этого дара. Зато, не исключено, что я обладаю другими, тоже достаточно ценными. Что же касается моего замечания о неизвестности, то я имел в виду не физический мир с его бренными путями, а пути, которыми идет дух человека. Здесь уж точно никогда нельзя знать заранее, что произойдет и куда этот путь будет направлен, в какие области. Конечно, единственное, что можно утверждать, это то, что любая дорога приводит в итоге к свету.

— Тем не менее, — возразил я в свою очередь, — многие направляют свои стопы к тьме, будь то сознательный или бессознательный выбор. Им кажется, что именно там лежит свобода, которая является залогом счастья и самореализации.

— Что же, им придется пройти через тьму, чтобы потом все-таки обратиться к свету, — ответил мой собеседник, вновь разливая коньяк.

— А вам не кажется, что этот процесс чрезвычайно затянулся? — спросил я. — И сколько еще боли и крови они принесут тем самым в этот и без того уже извращенный и изболевшийся мир?

— Ну, не мне говорить вам, что все относительно — один миг или одно тысячелетие. Вот вы помните, что с вами было год назад? пять лет? пятнадцать? То, что было до вашего рождения? Все ли это было в действительности? И куда это все ушло? А может, было и что-то, что ускользнуло от вашей памяти? Или вы сами распорядились, чтобы это что-то до поры до времени не всплывало в ней? С определенными оговорками можно сказать, что мир существует лишь в данный текущий

момент. Только не подумайте, будто я утверждаю иллюзорность бытия, что сейчас стало модно (причем уже не впервые в истории) широко пропагандировать. К слову сказать, обычно эту идею не совсем верно понимают, а так как она очень заманчива, и с ней приятно заигрывать, создавать смысловые ловушки, то это приводит к тому, что она запутывается и искажается, а головы людей в итоге забиваются всякой чепухой.

Но, в самом деле — что такое вечность или секунда (простите мне эти банальности) в масштабе вселенной? Вы знаете, что во вселенной существуют такие области, где вообще отсутствует понятие пространства и времени? Или какой-то одной координаты? Или же координат значительно больше? Причем это уже научно доказано. Повторяю, я не хочу сказать, что от этого теряется смысл всех страданий, пережитых человечеством, что они не имеют значения и все это в порядке вещей, что можно успокоиться и жить припеваючи. Но просто в конце (если в свете подобных рассуждений вообще можно говорить о “конце”), все окажется совсем иначе, чем нам представляется здесь.

Пассажир остановился, чтобы передохнуть, и наполнил рюмки. Я молча смотрел в окно, где, очень близко от него, чередой проносились огни на столбах. “Вот, — подумал я, — эти самые мгновения, секунды, быстро улетающие куда-то назад, в прошедшее, а все вместе сливающиеся в бесконечную светящуюся линию, пронизывающую, как некий стержень, все мироздание”. Внезапно линия оборвалась.

— Мы с вами начали с того, что многие люди осознанно или неосознанно движутся к тьме, — продолжил попутчик. — Но ведь Бог, Логос, Будда —

назовите как угодно — это прежде всего свобода. Он предоставляет полную свободу всему сущему, в том числе и свободу выбора. Бог никогда не запретит человеку идти тем путем, который ему нравится. Даже во тьму. И уж кому, как не вам, — тут очки моего собеседника как-то странно блеснули, и мне показалось, что он по особенному посмотрел на меня, — кому, как не вам, знать, что во тьме заключено только страдание, одно лишь страдание. И оно значительно превосходит то страдание, которое человек причинил за свою жизнь на земле другим людям.

Впрочем, все это вам хорошо известно, — немного помолчав, заключил он.

— Да, и я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Я знаю также, что зло (кстати, мы вот тут с вами бросаемся этими затасканными категориями — зло, вечность, свет, тьма, этими отвлеченными абстрактными понятиями, так что это может вызвать усмешку или иронию, услышь нас кто-нибудь со стороны; однако, иначе это выразить наверно не удастся) — это “несущее”, бытие со знаком минус, оно ничего не способно породить и, вследствие этого, лишь разрушающее начало. Оно не существует на самом деле, не имеет реальной основы. Вы заметили, как часто слово “реальный” употребляют бандиты и люди, связанные с криминалом, то есть явные представители зла в мире, называя себя “реальные пацаны”? — этакая попытка придать своему существованию и деятельности реальность. И чем больше верят в то, что они “реальные пацаны”, тем “реальнее” они становятся. Возможно, здесь даже просматривается некий оккультный след, и это действие с родни магическому заклинанию, которое привили этим людям (сами

бы они до этого, конечно, не додумались) так сказать адепты зла, которых Даниил Андреев назвал “дети черной луны”. Однако, вспомните древнеиндийский символ — трех обезьянок — “не вижу зла, не слышу зла, не говорю зла (то есть и не делаю)”. Если бы все люди вокруг одновременно поступили как эти обезьянки, зло просто перестало бы существовать, — сказал я.

— Посмотрите, что теперь стало с таким понятием, как духовность. Это слово приобрело чуть ли не пошлое звучание и воспринимается лишь с усмешкой. А между тем, что такое Бездуховность? Это отсутствие духа. А отсутствие духа — это пустота. Пустота же, как я уже сказал — основа зла. Кстати сказать, все эти рассуждения о том, что мир — пустота, которого в конечном итоге, тоже нет — на руку врагу рода человеческого. Убедить в этом человека — его большая победа.

Как много людей, существование которых наполнено пустотой, то есть ничем! Какой смысл в их жизни? Где та эпоха духа, которую уже давно предвещают? Говорят, что, поднимаясь к вершинам духа, можно достичь небывалых возможностей, какие и не снились человеку, просто поразительных результатов. Но, в самом деле, достижимы ли они? И как их достигнуть, если духа, как такового, просто-напросто нет? — говорил я.

— Какова первоначальная задача искусства? Искусство, я убежден, появилось для того, чтобы показать человеку прекрасное, чтобы человек стремился к нему, чтобы он постоянно поднимался над самим собой, рос и становился, собственно говоря, человеком в высшем смысле этого слова.

Но как обстоит дело в жизни? В цене ли искусство? Стремятся ли люди к прекрасному? Сегодня в столовой

я видел женщину — посудомойщицу лет 40-50. Она, слегка покачиваясь, подходила ко всем и заплетающимся языком предлагала две книги, которые держала вверх тормашками — Лермонтова и, кажется, Грибоедова, — за одиннадцать рублей. “Историки? — говорила она, подходя к очередному посетителю, — историки?” При чем не понятно было, то ли она хочет продать книги исключительно историкам, то ли считает таковыми авторов. Я бы, конечно, купил их, потому что на нее было жалко смотреть, хотя и понимал, что она пойдет и напьется на них паленой водки. Еще больше было жалко книги, но у меня не было денег. Я подумал: для чего жила эта женщина? Какой смысл в ее даже не жизни, а полуживотном существовании со смутным разумом, опутанным теми нитями, за которые ее дергают темные сущности, ею почти всецельно завладевшие? Как смешно, а вместе с тем больно и обидно видеть в таком состоянии человеческую душу! Только вдумайтесь! Человеческую... — говорил я.

— Еще хуже, когда пустота поселяется в трезвом и здравомыслящем человеке. Тут уж поистине невозможно наполнить ее — сколько в нее не пихай, все мало. Самоутверждение себя за счет других и самолюбование, плавающие в этой пустоте, ненасытны — они заставляют унижать все больше людей, только это теперь приносит истинное удовольствие; причинять все больше зла.

Людам нет дела до того, что человеческая мысль продвинулась *так* далеко вперед; что человеком свершены *такие* великие и прекрасные деяния, *такие* подвиги духа, достигнуты *такие* высоты и найдены *такие* сокровища, что просто трудно представить. И неужели это все для того, чтобы сытые и наглые мерзавцы

продолжали жить в свое удовольствие и делать гадости, а слабые влачить свое бременное бесплотное существование?

Я вдруг остановился и замолчал. “Да это была тирада! — с горькой иронией подумал я. — Опять меня несет. Или это коньяк развязал мне язык?”

— Вы знаете, — заговорил мой собеседник, из тактичности подождав, не буду ли я продолжать, — наша встреча, конечно, не случайна. Вы, наверно, многого не помните и не знаете о себе... Вы сейчас молоды, хотя это и не имеет значения...

— Ну, отчего же, помню кое-что, — сказал я.

— Тем лучше, — ответил пассажир, — тогда вы тем более знаете, что все это неспроста. Может быть, она уготована судьбой, а может, даже вы сами, так сказать, устроили ее... Все ведь в известной степени игра. Так вот, должен сказать, что именно вам предстоит подняться в заоблачные высоты, чтобы открыть людям всю красоту жизни и путь, которым до нее подняться. Вот только вам не хватает уверенности, я бы даже сказал — веры.

— Веры во что?

— Да хотя бы в то, что не все так уж плохо, как вам кажется. В то, что чудо произойдет благодаря усилиям, благодаря деятельности духа. Вы верите в чудо?

— Вы знаете, когда я был маленьким и учился во втором классе, у меня был друг. Так вот, мы с ним играли, воображая себя властителями сказочных стран. Мы верили, что в один прекрасный день за нами прилетит дракон, прямо во время уроков, в школу, и заберет нас навсегда из этого серого мира. Мы даже назначили

дату, когда он должен за нами прилететь. Мы ждали чуда. Но когда этот день настал, ничего не произошло.

— И с тех пор вы разуверились в чудесах?

— Нет, я пришел к выводу, что чудо может иметь место в сердце человека. Это касается, так сказать, внутреннего строя души. Например, человек взял и вдруг, ни с того, ни с сего, сочинил прекрасный стих. Или хотя бы просто сделал что-то доброе. Одним словом, изменился внутренне. Это и есть настоящее чудо. Но как добиться, чтобы это чудо произошло? Чтобы человек сам захотел этого?

Мой собеседник секунду помолчал.

— Все это, безусловно, верно. Но я имею в виду нечто иное. Конечно, не драконов из сказки, но то, что выходит за рамки представлений обычных людей и что действительно может как-то повлиять на них, что-то изменить для многих или, хотя бы некоторых, — сказал он.

Я пожал плечами.

Мы допили остатки коньяка и доели апельсиновые дольки. Пассажир убрал обратно в кейс пустую бутылку, тарелочку и рюмки.

— Ну что ж, мне пора. На следующей станции выходить. Разрешите вас от души поблагодарить за беседу. Я очень счастлив, что с вами встретился, — вставая, сказал он и пожал мне руку.

— Ну что вы, напротив, это я должен благодарить вас и за коньяк, и за все остальное. Мне было приятно с вами общаться, — ответил я.

— Напоследок же... И это, собственно, самое главное... Я бы хотел укрепить вашу веру и наполнить ваше сердце надеждой. Вы, вероятно, давно уже хотите узнать, почему я все время в черных очках? Взгляните.

И он, держа в левой руке кейс, поднял правую и снял свои черные очки в красивой серебряной оправе. В тот момент, когда он это делал, я подумал, что у него, должно быть, светло-серые или голубые глаза.

Так вот, пассажир поднял правую руку и снял свои черные очки в красивой серебряной оправе. То, что я увидел, потрясло меня до самых глубин души. Человек был слеп. То есть он был не просто незрячим, у него совсем не было глаз. Сморщенные веки, казалось, прилипли к пустым глазницам. И этими пустыми глазницами он “смотрел” прямо на меня. “Увидев” мое ошеломление, он поспешно надел очки обратно.

— Прощайте, и да сопутствует вам удача, — только и сказал он.

Мне тоже хотелось что-то сказать, какой-то мучительный вопрос метался в моем потрясенном сознании, но получилось только скомканное “прощайте”.

Электричка остановилась. И пассажир пошел к дверям. Уже выходя, он обернулся, сверкнув на меня своими черными стеклами, улыбнулся и махнул мне рукой. Я вдруг понял, что больше никогда не увижу этого человека.

Двери закрылись, и поезд поехал дальше. Вагон мерно покачивался.

В кипящем вихре моего сознания
Рождается впотьмах
Наполненное тайнами сказанье
А на путях, а на путях
Встречаются бесплотные создания
Фантасмагории у разума в когтях.

*Евгений Степанович Зашихин,
преподаватель истории русской литературы
XX века на факультете журналистики*

Мемориальное

Не быть ни другом, ни любовником,
Не ревновать, не целовать...
Скажите, девушка, в Дубровнике
Не приходилось Вам бывать?

Такое сходство видеть странно,
Порой не верится очам:
В хрустальной зелени Ядрана
Вы не купались по ночам?

Все те ж глаза и те же волосы
И та же вскидка головы...
“Мадам, — вскричу я, дрогнув голосом, —
Так неужели это Вы?”

В ответ молчанье. Как терновником
Ожгли распятого Христа...
Жаль, что Вы не были в Дубровнике.
Там есть отличные места.

* * *

В южной местности Цинь
Я любил выходить ночью в сад,
И при свете луны
Я любил слушать пенье цикад.

В южной местности Цинь
Мы так много когда-то любили....
В южной местности Цинь
Хунвейбины ЦеКа(д) перебили.

Ювенильное

Очень грустно сегодня
Пить холодное пиво —
Это ж в печени камни,
Это ж в горле ангина.
Словно, бросив: “Пора мне!”, —
Ухожу от любимой,
Увидав за годами,
Как пройдет юность мимо.
Так старенье чувствуют:
Стану толстым, плешивым...
Мне всегда очень грустно
Пить холодное пиво.
Может все это мнимое,
Но ты — в общем — красива
Так не выпить ли милая,
Нам холодного пива?
А внутри что-то дрогнет,
Станет так сиротливо.
...Очень грустно сегодня
без холодного пива.

На смерть Дуремара*

Ну как сегодня не напиться,
Чтоб этот пережить кошмар!
Прекрасная скончалась птица —
Наш буревестник Дуремар.

...Еще вчера он к небу рвался
Во весь орлиных крыл размах,
Но пробил час.

И вот остался
От Дуремара только прах.

Что ж, NEVER MORE** — прокаркал
ворон,

Но навсегда для всех гагар
И прочих пингвинов укором —
Ты будешь вечным, Дуремар!

Б. Н. Лозовскому

*Попрыгунья стрекоза
Лето красное пропела,
Глядь...*

Иван А. Крылов.

Как в басне, где путана-стрекоза,
Встав с бодуна, не верит в то, что осень,
Так я дружок, гляжу во все глаза:
“Ужели тебе, Бобик, сорок восемь?”

---

* Дуремар — попугай, живший в семье Б.Н. Лозовского.

** Не вернуть! (англ.).

Ужель, дружок, кефира перебрав,
Ты, сидя, не заснешь назло эпохе?
Ужели хмурым утром и без прав
За “жигули” не сядешь, молвив: “Пофиг!”

Ужели возраст, точно метя в цель,
Так датой пригвоздить умеет ловко,
Что отсекает в прошлое артель*,
Красноуфимск, Малиновку, Вишневку.

И прочее, включая партбилет
И даже “единение с природой”...
Ужели сходит молодость на нет
И начинает жизнь играть на коду?

“   “   “

И нет черновика, и нет повторов,
И не нажмешь годам на тормоза...
Осталось только крикнуть:

“Глядь, зима ведь скоро!”

Но где же попрыгунья-стрекоза?

5 февраля 1996

Стихи на день омовения
Ванны бесценный фарфор
Вновь уж наполнен водою.
В ванну, чтоб грусть мою снять,
Слуги добавляют жень-шень.

---

* Артель “Новый поворот” — известнейший студотряд эпохи застоя. Далее идут пункты, обозначающие места дислокации этого отряда.

Только печален с тех пор,
Как я расстался с тобою:
Шепчет душа моя "Надь",
Только ответа нет "Жень"...

Осеннее

Кусок прозрачности осенней
Держу торжественно в руке —
В нем тяжесть сотни настроений
И даже счастье налегке.

Дождями осени умытый
Спокоен мой осенний день.
И все, что было — позабыто.
Есть лишь стакан, налитый всклень.

Все чисто так, и так прозрачно,
И ярко, как в последний раз,
И ждешь, что вздрогнув сосен мачтами,
Лесной корабль умчится с глаз.

Шуршит по сердцу, как железом —
Листва — подножие небес...
Стоит возвышенный и трезвый,
Осенний опустевший лес.

Вот так стоять бы и стоять бы,
И знать, что вечен этот миг,
Но рядом веселится свадьба,
Что в лес сбежала на пикник.

И я забуду на мгновенье,
Что скоро все покроет снег —
Осколок холода осеннего
Держу торжественно в руке.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ALMA MATER!

80-летию УрГУ посвящается

Влетаю в аудиторию, привычно опаздывая минут на 20. В голове крутятся мысли о только что написанной статье. Понравится ли заказчику? Или придется переделывать? Но ведь тогда... Полет мысли обрывает листочек с вопросами об alma mater. *Что вы испытываете, переступая порог университета?* И целый ворох готовых ответов, готовых чувств, начиная с восторга и воодушевления и заканчивая чуть ли не унынием. Отвечаю на остальные вопросы, и вновь возвращаюсь к этому, первому в списке. Что-то мешает поставить галочку не глядя. Прислушиваюсь к себе...

Я хорошо знала ответ на этот вопрос на первом курсе. Тогда это было благоговение. В то время с жадностью читались все бумажки на доске объявлений, они, как приказы, не обсуждались и подлежали исполнению. Декана окружала аура обаяния и ума, неистребимая как запах сильного парфюма, и при виде его хотелось встать по стойке смирно. Изредка, как и полагается полубогам, мелькали на факультете старшекурсники. Да, родной

журфак и университет были Олимпом, поскорее стать его полноправным жителем — вот она, мечта жизни.

Первый курс сменился вторым, а благоговение — радостью. Мне было радостно оттого, что я учусь в таком классном месте, радостно от общения с друзьями, от прочитанных книжек и записанных лекций. Рассматривая линию ума, я явственно видела, как она удлинилась. Еще бы, я столько теперь знаю!

Курс третий — и новое чувство. Уверенность. Это когда уверенно отмечаешь свой день рождения накануне экзамена. Однокурсники не дадут пропасть! Это когда преподаватели становятся твоими советчиками и помощниками. Когда сверху вниз смотришь на первокурсников, а втайне им завидуешь.

Уму непостижимо, но теперь я на четвертом курсе. Время не бежит, а просто скачет. Я пытаюсь за ним угнаться, но оно все равно ускользает. Работать, работать, работать! Успеваешь на две пары в неделю, но и там наступают мысли об очередном материале. А университет?

Мы все реже появляемся в твоих стенах, не замечая, как ты хорошеешь. На бегу здороваемся с преподавателями и появляемся в библиотеке за два дня до сессии. Твой день рождения заставил сбавить обороты и осознать: это благодаря тебе мы стали такими умными и хорошими, нашли работу и место в жизни.

Что я испытываю сегодня, переступая порог alma mater? Не могу сказать точно. Слишком долго мы знакомы, чувства притупились. Но мои уверения в любви и уважения совершенно искренни.

МЫ – МОЛОДЫЕ

В настольном жанре

Понедельник. Третья пара. После вечерней дискотеки кружится голова. Соседа по парте укачало магнитной бурей, впрочем, как и половину братьев-студентов. Кажется, только я вслед за лектором пытаюсь проникнуть в тайны ахейской цивилизации. Но и мое терпение не бесконечно: нажимаю на спасительную кнопку, дословно вызубрив инструкцию.

Посредине парты четко нацарапано: “Кнопка сна. Способ применения: в начале пары прижать лбом и не отпускать до конца. Приятных вам сновидений”.

Двумя сантиметрами выше: “Продолжается набор в общество любителей пива”. Чуть-чуть левее объявление: “Куплю курсовую по русскому языку, цена договорная”.

Сразу видно: до меня здесь коротал время деловой человек.

Парадоксально: студенты филологического факультета ездят в забытые уголки Родины в поисках устного народного творчества. Зачем? Фольклорную практику можно прекрасно пройти прямо здесь, в родном университете.

Опираясь на лингвистические знания, я разделила студенческий фольклор на жанры: поученья, объявления,

афоризмы, панегирики, любовные послания, элегии, эпиграммы и эпитафии. Все это могло бы стать материалом доклада, реферата, курсовой, кандидатской или докторской диссертации.

Взять хотя бы любовную лирику. Вдумайтесь в эти, почти что байроновские строки, проступающие на голубой краске парты:

Если б мог вдруг достать я из сердца
Всю любовь и дыханье полей
И стихи, и не спетые песни,
Ты бесспорно была бы моей!

К сожалению, девушка не оценила романтического признания влюбленного поэта и вынесла ему суровый приговор:

Прочитала я твое стихотворенье,
Оказалось — полный отстой:
Тематика слишком банальна,
И автор слишком тупой!

А вот один вредный совет, который я бы отнесла к категории полезных:

Ели надо отличаться,
И не хочется учиться,
И свалить со скучной пары
Тебя тянет все сильнее,
То расширь свои контакты
На филфаке и физмате,
Тем твоя зачетка лучше,
Чем твои друзья умней.

Теперь с поэтических небес спустимся к прозе жизни. Зайдем, цитирую Державина, в нужник. Тут-то новичков и поджидает коварный сюрприз. Стоит только уединиться,

как в глаза бросается жизнеутверждающая надпись на двери: “Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера”.

Так что, господа исследователи, непаханая целина студенческого фольклора ждет вас. Добро пожаловать в Уральский государственный университет!

ЕГО НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ

Ночью в мою общежитскую комнату прокралась веселая, легкая мелодия (возможно, она вырвалась из окон проезжающей мимо общаги машины, возможно, кто-то из моих соседей решил послушать от бессонницы немного музыки). Я лежал в кровати, крепко спал и не заметил, как мелодия ловко юркнула мне в постель. На душе вдруг стало тепло и спокойно. На моем спящем лице расплылась безмятежная, довольная улыбка. А странный сон, снившийся мне до этого превратился в красивый, красочный мюзикл, как будто кто-то подрегулировал ручку яркости и перевел звук в режим DOLBY STEREO.

...Я открыл глаза и почувствовал счастье. За окном было прекрасное солнечное утро. Мелодия продолжала энергично звучать во мне: “ля-ля-ля, ля-ля-ля” — душа моя встрепенулась, разгоняя остатки сна. Я встал с кровати, подошел к окну и улыбнулся ослепляющему, яркому солнцу, ярко-голубому небу, людям и машинам, куда-то озабоченно спешащим, и всему этому большому, непонятному, любимому городу. Душа моя пела. “Ля-ля-ля” — мелодия жутко напоминала какую-то веселую

незамысловатую попсовую песенку и наполняла всего меня энергией, бодростью и верой в великие свершения.

“У меня сегодня все получится. У меня будет замечательный день”, — напевал я, причесываясь, своему отражению в зеркале. Да, я знаю, эта приятная мелодия принесет мне сегодня удачу. Я должен сохранить ее на весь день в душе, как талисман, приносящий счастье.

Я надел штаны, куртку, ботинки, которые даже перед этим почистил, и вышел на уже давно проснувшуюся улицу, живущую в своем привычном, суетливом ритме.

Я был счастлив. Просто и прекрасно счастлив. И все благодаря симпатичной мелодии, случайно оброненной кем-то...

Ля-ля-ля, ля-ля-ля...

*Записки из прошлой жизни
Пусть будет сладкое вчера...
Л. Рубальская*

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

лирическое размышление на тему

Здание екатеринбургского цирка всегда интересовало меня больше всех остальных в городе. Могу даже объяснить почему. Не люблю в архитектуре серый цвет, толстые бетонные стены, мощные барельефы. Подобные ансамбли вызывают у меня ассоциации со склепами и могилами. А цирк... Он почти что белый, с огромными окнами; больше всего мне нравится его бетонный купол. Он представляется большим воздушным шаром, который может в один прекрасный день взять и улететь... Вот так... Со всем цирком сразу. Даже немного жутковато. Если цирк “улетит”, то в этой стране станет ровно на одно меньше мест, где людей не обманывают, не делают из них дураков.

Фокусник, сняв с вашей руки дорогие золотые часы, вернет их через минуту. Базарные ловкачи не сделают этого никогда в жизни. Да и вообще, циркачи — народ

особенный. Их слова искренни, а души поражают своей прозрачностью и чистотой. Людям, работающим в цирке, нечего стыдиться, ведь они дарят всем добро, которого сейчас так не хватает. Артистам нечего скрывать: лгунов и лицемеров манеж не терпит, и можете быть уверены — если клоун, выходя на арену, смеется, ему действительно весело, если плачет — клоуну по-настоящему больно.

В цирке людям обещают чудо, и оно непременно сбывается: никакая инфляция и смена правительства ему не мешают. И даже если цирк — эта бетонная громадина — вдруг улетит — это уже будет чудо. И тот, кто “вспомнит”, что чудес на свете не бывает, останется “с носом”.

Пожалуй, цирк — это самое честное и искреннее место на планете Земля. И останется он таким еще не на один десяток лет, потому что никогда не будет заколдован жизнью, в которой все решают деньги и власть.

МУЗЫКА

мечтательная записка

...Счастье как форма бытия... А может, бытие как форма счастья... Точно пока еще не знаю, не решила. Это ощущение очень трудно определить словами. Именно определить, а не выразить. Бытие и счастье — такие разные, но в то же время близкие... даже неразделимые... А тут еще и ты...

Знаешь, при всех моих претензиях на образность мышления и некоторый словарный запас, мне очень трудно объяснить тебе тебя. Высокохудожественные сравнения не годятся. Объяснить тебя с точки зрения высшей математики я не умею; нет у меня столь глубоких познаний в области собственных чисел операторов и кратных интегралов. Ни биохимия, ни генетика, ни три закона Менделя не помогут мне в объяснении...

Хотя знаю я одну науку... Может, не до конца, может, не в полной мере. Но в ней я нашла нужное для тебя слово. Ты — это музыка: нежная, тёплая, врачующая и приносящая покой. Ты — гармония. Та удивительно красивая гармония, которую композитор бережет для самого тонкого и трепетного такта своего произведения. Ты — это мелодия ... для скрипки или для трубы, для фортепиано или симфонического оркестра... Мелодия, которая нарушает всю привычную для моего организма биохимию. Мелодия, сбивающая с толку мои биологические часы... Ты — истинная музыка, нарушающая абсолют, бытие, автономию меня.

Другая назовет тебя по-другому. Но что бы ни случилось на этой планете, ты для меня — музыка, и это счастье.

Костер в ночи я разожгу,
Костер души моей,
Чтобы огня веселый гул
Вливался в песнь полей.

И, может, кто-то в час глухой,
Устав от бурь и бед,
Придя сюда из тьмы сырой,
Найдет тепло и свет...

Я прочитал созвездий письмена.
Мне песнь ветров задумчивых ясна.
Я вник давно в лесные разговоры,
Я в поле разгадал цветов узоры,
Я понял шепот речки на лугу.
И лишь тебя
Понять я не могу....

1958—1960 гг.

ЛЮБЛЮ

сентиментальный экзерсис

Воистину: мелочи правят людьми

N. N.

— Серость, — отрезал заплеванный дождем октябрьский тротуар. Блестящие расклеившиеся ботинки вбивали мертвый окурок в лужу:

— Ненавижу серость.

— Ненавижу себя, — эхом вздохнула полупустая смятая банка из-под пива. Ботинки сделали несколько неуверенных шагов, и, запнувшись об открытый канализационный люк, что-то несуразное хлопнулось об асфальт.

— Господи, когда это кончится? — стонала кирпичная стена, изнывая от режущих болей в животе. Царапая улицу, он бросился в сторону от черного "Renault" и, пытаясь встать на колени, порвал себе левую щеку об острые копыла парковой ограды.

— Серость, — скользили мысли поднявшегося по залитым светом витринам магазина.

— Надо позвонить Ей, — промелькнуло в угасающем сознании, — может быть, Ей нужна помощь. Повесившись на телефонном проводе, он отчаянно пытался

набрать дрожащими пальцами номер, тускневший на желтом обрывке какой — то газеты. Пронзительные гудки отдавались изжогой в сморщенном желудке и медленно отрезвляли потерявшие цвет глаза. После бурной беседы с бесстрастным автоответчиком трубка безжизненно качнулась в сторону уходящего вдаль. Пересохшее горло разрывалось приступами кашля, отплевываясь кровавой слюной.

Еще каких-то четыре часа, и все станет ясным. В тринадцать тридцать придет знакомый врач и приятным баритоном скажет то, от чего будет зависеть их дальнейшая жизнь.

— У нее уже девять недель нет месячных, — дребезжал колокол запертой в железобетонные коробки церкви.

— Молодой человек, — скрипящим голосом ударило воспаленный мозг, — Вы, кажется, обронили кошелек вон там, — указывала дряхлая женщина изъеденной старостью рукой куда — то в ту сторону, откуда он шел уже целых полчаса.

Бесконечно долгих двадцать девять минут безотчетного страха как будто бы смыло легким порывом полуденного ветра. Бросив непонятный взгляд параллельно варикозной руке, он выделил из однообразной газоновой зелени белеющий на солнце комочек.

— Последняя мелочь осталась гнить в шляпе слепого скрипача, игравшего соло у ворот центрального парка, — оправдывались пустые карманы вареных джинсов, но он лихорадочно стал выворачивать их наружу в поисках какой — то вещи.

Недоуменно оглянувшись на него, продолжающего смотреть в одну точку и не двигающегося с места, обреченная на смерть махнула костлявой рукой в сторону и продолжила свой утренний моцион.

Спотыкаясь, он почти бросился к белому пятну. Опустившись на колени, увидел до боли знакомый платок, еще пахнувший Ее духами, и мягкая улыбка тронула его пересохшие губы.

— Еще три с половиной часа, и мы будем вместе, — придушенно шептали лепестки каких — то незнакомых ему цветов, нечаянно примятых коленями.

Развернув белоснежную ткань, в правом верхнем углу которой розовыми нитками было вышито “люблю”, он в спешке вытер глаза, наполнившиеся слезами счастья.

Подозрительно осмотревшись, он скомкал трепещущий на ветру комочек и сунул в левый карман фланелевой рубашки.

Где-то впереди заорала сирена, и трое плечистых молодых людей в форме перешли ему дорогу. Вскочив, он попытался бежать, повинуясь какому — то подсознательному чувству, но вдруг проткнул глазами насквозь ближайший переулок, увидел чье — то знакомое лицо. Доля секунды. И он влетел в переполненный автобус, чьи — то сильные руки отбросили полуживое тело в дорожную пыль, трое исчезли, в лицо швырнуло пепел дорогой сигары и тут же обдало выхлопными газами.

В который раз поднявшись, уткнулся в чьи — то глаза.

— Привет... как ты ужасно выглядишь... что с тобой случилось... да ты просто на себя не похож... что же

произошло... у тебя кровь на щеке... ты болен? — от водопада слов раскалывалась голова, но это лицо было когда- то самым дорогим для него, и, хотя тень прошлого заметно изменилась, его по-прежнему влекло к ней.

Ее холодные ладони осторожно стерли пыльный налет с его небритых щек, ее чувственные губы прижались к его горячему лбу; ее, бледную луну, увидел он сквозь крашенные, такие же рыжие, как лучи солнца, волосы воскресшей из памяти. Пытаясь что- то сказать, он вдруг увидел свое отражение в маленьком дамском зеркальце, в которое она смотрелась, припудривая по- детски вздернутый носик, и неестественно дернулся.

— Оставь меня, — просили глаза

— Как хочешь, — ответили губы

Видение исчезло.

Дома вокруг стали как будто выше, небо — светлее, желаннее — слышать любимый голос. И нежно — голубыми глазами, по-девичьи хлопая ресницами, смотрело на него семилетнее чудо.

— Прелестный ребенок...как милое дитя...как же прекрасны дети...и, может, все еще будет хорошо...— размякло вдруг огрубевшее сердце под детским взглядом. Он поправил маленькому прическу. Ребенок криво улыбнулся, выказывая оскал пожелтевших зубов, и, как мог, объяснил жестами, что ему нужны сигареты: дитя было немым.

Пошатнувшись, не веря своим глазам, он с минуту молчаливо смотрел на маленького олигофрена и потом, вдруг, в каком- то непонятном испуге, сначала отступил

назад, попятился, затем, оглядываясь, быстрыми шагами пошел в...

Не зная времени, через осколки полумертвых кварталов, сквозь обожженные табачным пеплом скверы, по грязным, стертым автомобильными шинами улицам, он летел на крыльях отрешенности до тех пор, пока не был сбит острым желанием...

Судорожно поворачивая гнутый ключ в дверном замке, он уже ни о чем не думал. Войдя в квартиру, опрокинул роскошную вазу с благоухающими цветами, которые хотел подарить ей вечером. Три кроваво— красные розы, впившись шипами в персидский ковер, с жалостью наблюдали за агонией полоумного. Сидя на голом полу и глядя на огромные изящные часы с маятником, которые достались от отца и висели напротив, он прижал холодную трубку плечом к распухшему уху и свободной правой рукой набрал тот же номер.

Другой руке было уже все равно — она, слабо стянутая резиновым поясом для беременных, жадно впитывала пульсирующими венами всепоглощающую отчужденность. Но его сознание было как никогда ясным, и, когда время отмерило указанный срок, сердце учащенно забилося в радостном ожидании какого — то чуда. Все его существо говорило о том, что вдруг должно свершиться что— то очень важное, как будто бы все его радужные мечты, все то счастливое и отвратительное, что он испытал в своей богатой впечатлениями раньше и жалкой теперь жизни, сузилось, сократилось до размеров банального телефонного разговора, и его бешеный пульс через

каждые шесть сокращений совпадал с частотой равнодушных гудков. Неожиданно возникла полная тишина и откуда-то изнутри трубки выглянул приятный, несколько взволнованный женский голос:

— Это ты, ангел мой? Да, черт побери, я знаю, что ты звонил мне и ждал все утро, но я была у врача и потом вместе с подругами в баре праздновали нашу удачу, но ты ведь еще ничего не знаешь, ты меня слышишь? Все в порядке, у нас не будет ребенка, повторные анализы показали, что эта задержка — просто следствие стресса, и потом, ты же знаешь, я тогда съела слишком много таблеток, вот и все, ведь ты не очень переживал, правда? Ты слышишь меня? Алло...

Какой-то глупой улыбкой озарилось его лицо; содрогаясь в конвульсиях, он с трудом нашел в себе силы, чтобы открыть окно, и, сев на подоконник, задумался о своей дальнейшей, и, теперь, безусловно, счастливой жизни...

Что-то несуразное хлопнулось об асфальт.

Судьба

Зачем мы думаем о смерти,
Зачем мы ждем ее всегда,
Зачем стараемся укрыться —
Ведь от судьбы уйти нельзя.

И каждый день, как по сигналу,
Встаем и думаем о ней,
Как будто завтра умираем
По крику белых журавлей.

Представьте: юному мальчишке
Дается в руки автомат
И он, как тот герой из книжки
На фронт уходит воевать.

Ему бы только не погибнуть
И целым возвратиться в дом,
Но от судьбы нельзя укрыться
И гордо умирает он...

И все — не стало больше сына...
А мать сегодня даже ждет
Того единственного, милого,
Что молодым ушел на фронт.

* * *

Война всегда была ужасна:
Окопы, дзоты, блиндажи,
Но героизм советского солдата
Всегда пройдет все рубежи.

И вот солдат бежит в атаку.
А что он думает сейчас? —
Наверно, как прийти к Рейхстагу,
Чтоб дань отдать в последний раз.

Он рвется в бой с отважным криком
И насмерть бьется с тем врагом,
Что ранним утром в 41-ом
Ворвался в каждый русский дом.

Но вот пронзительная пуля
Случайно ранила бойца.
Упал на землю, понимая:
“Дошел до своего конца...”

Остались лишь воспоминанья
В груди простого паренька,
О гордых подвигах солдата
Нам надо помнить все века.

* * *

Как много мы уже забыли
О том ушедшем — о войне...
Ну разве можно забывать
Про человека, что горой
Стоял за наш с тобой покой?

Он кричал, бежал, боролся,
И в атаку рвался — в бой.
Он по всей земле прошелся,
Словно как сторожевой.

А сейчас его забыли,
Не устроили могилы,
Похоронку не прислали,
Лишь в окопе забросали.

Он остался — и лежит,
А земля дрожит, дрожит...
И родные не поймут,
Все надеются и ждут.

“Разве может мой сыночек
Просто без вести пропасть?!
Ведь он жив — я знаю точно...”
Еле прошептала мать.

Правда. Быть того не может,
Он отважно ведь погиб.
Поисковик! Ведь ты ж сможешь
Солдата русского найти!

* * *

Если б знали эти дети,
Что сейчас еще растут,
Как тяжелы были беды,
Пусть они уж все поймут.

Только кто потом расскажет
Им об этих трудных днях.

Ветераны умирают...
Вот, что важно нам сейчас!

Мы всегда должны их помнить,
Чтить их память и скорбить.
Ведь не зря они сражались
За мою с тобою жизнь.

Я — Поисковик

Я иду по останкам героев,
По кровавым осколкам войны.
В это время меняется много,
Словно я на защите страны.

Сталинград, Ленинград, Севастополь...
Сколько было таких городов?
И во всех в них стояли с боем
Сотни тысяч таких пареньков.

Я зарылся в окопе с лопатой,
Словно кошка от глаз иных.
Я хотел бы все сделать с любовью,
Чтоб найти эту гордость страны.

Каждый день для меня — испытание,
Каждый шурф для меня — судьба.
Та судьба молодого солдата,
Что ушел от нас навсегда...

Не ушел от нас — не надо!
Прах его там — в земле.

Только выкопать его надо,
И вернется солдат к семье.

* * *

“Зачем тебе это надо?” —
Слышу частенько вслед.
“Кому теперь ценны кости
В старом засохшем песке?”

Знали бы эти люди —
Сколько останков в земле!
Они все учат по книгам,
А я — по солдатской судьбе.

НЕДОТРОГА

Посмотреть на неё из-за угла — на большее он никогда не осмеливался — можно ли было найти зрелище волнительнее и прекраснее? На мягкую волну её волос, ослепительную кожу и аристократическую посадку головы. На лакированную туфельку, которой она восхитительно притопывала, ожидая личного шюфёра. На полупрозрачную вуаль, ревнивым газовым шлейфом струившуюся за ней следом...

Внимательнее он просматривал лишь светскую хронику, в которой нет-нет, да и мелькало её знаменитое имя, а порой даже сногшибательное фото.

Она была ангелом во плоти, олимпийским божеством, сошедшим на твердь осиять её блеском своего совершенства. И о её неприступности ходили просто невероятные легенды. Ни один бастион не простоял бы столь долго под натиском несметных полчищ алчущих добычи завоевателей. Ей, похоже, это не доставляло никаких неудобств.

Он умер. Она продолжила жить.

Но её заботы о себе, своей внешности и образе жизни стали ещё более тщательными и скрупулёзными. Иногда даже зеркало смущалось, видя, с какой любовью и

нежностью, с каким глубоким, выстраданным чувством она умывалась, красилась, просто касалась лица пальцами. Каким необъяснимым феерическим восторгом пенился её взгляд, ласкавший восхитительное тело...

Прежде он даже не мог мечтать о ПОДОБНОМ!

Необразованный работяга, никогда не слышавший слова "реинкарнация".

Каждое утро он вставал в ожидании чуда, и оно случалось! Он смотрелся в зеркало и встречал ЕЁ взгляд! Той, о которой он мог теперь заботиться, которую мог кормить, умывать, ласкать...

...О её неприступности ходили просто невероятные легенды. Казалось, ничто в мире было неспособно отвлечь её от неё же самой, с таким небывалым упорством и наслаждением она заботилась о себе.

АПОСТОЛЫ 2000

"Год 1999 собрались провожать двое молодых людей и две девушки. Это были мы.

Праздничный вечер обволакивал прелестью съеденных деликатесов и ровным уютом шикарной пяти-комнатной квартиры. Монотонно и равномерно капали минуты до новой жизни, когда... Лавина надвигающегося Нового Года подхватила нас и размазала об окружающую действительность. Нас не стало здесь, не проявив там, нарушая, таким образом, неизбывные законы бытия.

Крохотными снежинками, легко вращаясь и кружась, мы нежно планировали на белую простыню земли,

приходили в гости огоньками в глубине глаз Деда Мороза и жарко подыхали гирляндами искр в почерневших каминах.

Она готова была стать матерью, он боялся, нет, он был зачарован и пищал от восторга, а она просто смотрела. 2.0.0.0.

Ее скрутило, поставило на колени и склонило ее голову к самой (?), его круглый любопытный глаз, треснувший по всей длине от ужаса рот, сложенные в О.К. пальцы. 2.0.0.0.

Женщина на коленях — мать, не знающая Истины, глаз, рот, О.К.

Апостолы 2000: Богоматерь, Мария Магдалина, Иисус Христос, Иоанн Креститель”.

“...всемирно известного, скандального и непотребного, автора японских мультфильмов Койтши Такаси официально предала анафеме христианская церковь “за поругание и спекуляцию святыми для миллионов людей идеями и образами”...

— Койтши, мальчик мой, расскажи им, почему китайцы называют тебя ДРАКОНОМ?!

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библиотека ветхого особняка, три года назад отданного на реставрацию, но так и не сменившего облика престарелой развалины, была скромной, плохо побеленной комнаткой с рядами заросших пылью и скукой стеллажей, на которых, томясь простудой и одиночеством, слабо шуршали рассыпавшимися переплетами зубастые хранитель-ницы

знаний. Этакие нетопыри в лохмотьях из тисненой кожи и царапинах из позолоты.

По ночам они со скрипом открывали мутные красные глаза и, грузно оторвавшись от дубовых полок, взлетали в молочный, сладкий от ярких лучей лунного света воздух, пропитанный чьим-то участием и тоской. Они безмолвно кружили, разевая ужасные пасти, грозили и ласкали собой тишину, роковым карнавалом сковавшую ночь.

Высохшие старички и совсем юные мальчики могли сколько угодно щекотать их бумажные ребра, стараясь отыскать в глубинах книжной премудрости хотя бы толику стыда и непристойности, так притягивающих к себе мужчин. Но они были особенно красивы не потому, что могли рассказать о возможных страхах и грехах молодого мира, а потому, что жили двойной, таинственной жизнью, отражаясь на экранах пыльных телевизоров и в темных кинозалах своей небывалой, прежде спавшей сущностью, беспокойным альтер-эго.

А пока они летали или мирно чесались пружкой железной застежки (увы, не всем посчастливилось стать фолиантом), будя своим заплесневелым духом древних тараканьих богов, горделиво покачивались на уготованных им историей местах и мечтали, проскальзывая темными закоулками подсознания и внешней неоформленности.

ЗА СТЕКЛОМ

Утро. Она идет в ванную. Даже отсюда я слышу ее легкие шаги. Соваться в большую комнату опасно — можно нарваться на неприятности! Однажды я не

вытерпел и попробовал — втиснулся в чужую сферу... Этот эксперимент чуть не стал последним в моей жизни. С тех пор я себя берегу. Разряд. Вот и она, как всегда в домашнем халатике и босиком. Непослушная прядь русских волос легкомысленно болтается из стороны в сторону. Она подходит к раковине, слышно журчание воды. Садится на унитаз. Все на свете бы отдал, чтобы стать унитазом! Хоть на миг. Почувствовать ее прикосновение. Задумался и не заметил, как она ушла.

Как-то слышал я байку про человечка за стеклом. Посадили беднягу в живую сферу. Наверное, они страшно мучались. И как такое издевательство Живчик допустил?!

Похоже сегодня у нас праздник. Ко мне постоянно заглядывают какие-то люди, нервно и оживленно щелкают Разрядником, справляют свои человеческие нужды. Вон один аж с головой в унитаз залез, наверное, знакомится. Как тянет прыгнуть в комнату! Нельзя! Там итак Тройняшки места себе не находят. К тому же, щелкнуть может, как в прошлый раз, а тогда кому-нибудь, как пить дать, какук! Торопливо забегает она. Озабоченно всплескивает руками и начинает вытаскивать человека из унитаза. Он беспокойно машет конечностями, но, в конце концов, поддается на уговоры познакомиться с раковиной. Она обливает его водой и уводит в комнату. Ночь. Ко мне без Разряда вваливаются двое людей. Их почему-то шатает. Один начинает срывать одежду с другого, а тот просто стоит, опершись о стену, и что-то говорит. Наконец первый избавляет второго от ненужной одежды. Очевидно, они решили помыться. Странно, они

не полезли в ванну, а зачем-то вцепились друг в друга и дергаются.

Утро. Она идет в ванную. Обычно эта дорога занимает у нее меньше времени. Интересно. Сегодня ее волосы растрепаны больше прежнего, и она дольше обычного здоровается с умывальником и унитазом. Смотрится в зеркало, зачем-то гладит себя по лицу. Уходит. Жаль, что она не может жить здесь всегда. Наверное, здесь ей не хватает места.

По-моему, у нас поселился кто-то еще. Теперь почти каждый день я вижу какого-то мужчину. Он мне не нравится. Чересчур больно щелкает Разрядником, постоянно приглаживает волосы и скалится в зеркало. На свой страх и риск попробовал поговорить с Тройняшками. Их теперь всего двое! Гости убили одного из них! И, что хуже всего, этот мужчина иногда лежит с ней в одной постели!

Сегодня у нас был потоп. Откуда-то сверху протекла труба, и наша труба, наверное, из солидарности решила протечь тоже. Приходили какие-то люди. Они громко говорили, а потом сняли и унесли нашу трубу. Жаль. Она была самой разговорчивой из всех нас, постоянно мурлыкала какие-то песенки.

Тройняшки говорят, что у них родился новенький! А еще у них в комнате поселилась целая семья: Двойняшки и Большой Глаз. То-то с Разрядом что-то непонятное творится.

В окно на кухню мне видна тамошняя сфера. Она не может со мной поговорить, но показывает, что хозяйка

дома. Это хорошо. Я очень хотел бы ее сейчас увидеть. У меня почти совсем пропал слух. Я думаю, это из-за пополнения в Семействе. Жаль, что теперь я почти не слышу ее шагов.

Неожиданно меня бьет злым Разрядом. Сначала ко мне врывается она, а следом за ней этот мужчина. Она что-то кричит, бьет его газетой. Он тоже кричит. Кричит на нее. Потом хватает ее за руку и начинает куда-то тащить. Не смей ее обижать! Живчик, если бы я был унитазом, я упал бы ему на ногу! Она вырывается и начинает махать руками. Тогда он бьет ее по лицу, опрокидывая в ванну. НЕТ!!! Живчик, дай мне силы! Я прошу!!!

Моя живая сфера взорвалась изнутри бешеной силой Замыкания, и я ударил ему в спину всей своей ненавистью, всем своим достоинством и существом, сжигая себя и его без остатка в единой вспышке любви.

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ

Огромный ледяной паук Гтрчан тщетно пытался скрыться от стаи, ищущей его смерти. Черви Самбуя, меховые комки Гырхи, ничтожные Ёртысы и даже соплеменники Гтрчаны, забывшие на краткий миг всеобщей бойни все свои внутренние распри, безжалостно и неутомимо гнали его навстречу Смерти.

Он даже не успел ничего толком понять, с головой окунувшись в ритм гонки, когда дикой силы удар поднял его над землей и оборвал нить его злосчастной жизни.

Изломанное паучье тело не коснулось еще льда, а стая уже разбегалась, терзаемая взаимной ненавистью и неотложными делами.

Охотник У склонился над своей жертвой и озадаченно почесал коленом подбородок. За всю свою пятнадцатилетнюю жизнь он впервые стал свидетелем Дикой Охоты.

— Что же ты такое сделал, — задумчиво спросил он Гтрчана, — что тебя кинулись жрать все на свете?

Паук молчал, и лишь его раздувшееся брюшко говорило о том, что незадолго до своей гибели он славно объелся. Недоуменно пожав плечами, У подцепил его на крюк, торчащий из пятки, и поволок домой.

Родной Пузырь встретил его привычным запахом мочи и гари.

— Мус, — позвал У, — сынок! Я принес паука.

Из дальнего угла пузыря раздалось знакомое шлепанье. Через пару мгновений показался и сам Мус, бодро ползущий на руках.

— Какой здоровый, — оценил паука он, — пожарим?

Жадность боролась в У с желанием угодить сыну.

При жарке пауки обычно сильно усыхают...

— Конечно, пожарим! Разведи-ка костер, а я схожу до Пы.

Людской мир в отличие от мира Шаров был полон всяческой живности, крайне резвой и безумно агрессивной, но от того еще более вкусной и нужной в хозяйстве. На растопку обычно шли испорченные шкуры Гырхов или членистоногие Ёртысы, хотя порой приходилось топить и собственным калом. Шагая к соседнему

Пузырю, У размышлял над сегодняшним происшествием. Мысли о предстоящей дороге в мир Шаров пугали его, а потому он старался занять свою голову чем-нибудь другим или вообще не думать.

Старик Пы, как обычно, встретил его ворчанием:

— У, где ты так долго шлялся, негодяй? Я чуть не сдох, дожидаясь тебя! Разжигай же скорее костер!

Его недолюбливали, этого уродливого вредного старика, но боялись. Никто не посмел бы навредить ему, но всем настолько же было наплевать на его судьбу. Лишь У, выросший по соседству и воспитанный старым брюзгой, заботился о нем. К тому же, не было такой вещи на свете, о которой не знал бы Пы.

— Ты завтра идешь к Шарам? — спросил старик, грея единственную руку над чахлыми языками стелющегося пламени.

— Уже пора, — с дрожью в голосе ответил У.

— Когда-нибудь ты не вернешься, — горько уронил старик и отвернулся к стене.

— Я знаю, — прошептал У, подкинул в чадающий костерок еще пару шкурок и вышел.

Мус к его приходу уже приготовил паучью похлебку и теперь жадно чавкал своей порцией. Подцепив в свою тарелку, У упал рядом с сыном.

— Ты опять кинул лед в свою порцию, — устало констатировал он.

— Ты же знаешь, мне не нравится совсем горячее.

В который уже раз У пожалел, что не может взять сына с собой на охоту. Там бы из него всю дурь живо повыбили.

— Завтра я надолго уйду, — начал было он.

— Передавай привет Шарам!

Растет сынок, невольно усмехнулся У, все понимает без слов.

— Надеюсь, наших запасов тебе хватит.

— Конечно, не волнуйся.

В мире Людей не бывает восходов и закатов, но У опытным чутьем охотником знал, что наступил новый день, и уже пора выходить. Осторожно, чтобы не разбудить сына, он выбрался наружу и побрел в сторону Храма. Перед каждым своим походом в иной мир, он обязательно ходил смотреть на Богиню. Вот и сейчас он должен был соблюсти эту традицию.

Пузырь Храма, как обычно, пустовал. Длинное прозрачное тело Богини ритмично пульсировало, как будто приглашая присоединиться к своему гармоничному танцу. Желание овладело У, и, убедившись, что Богиня сейчас пуста, он совокупился с нею, приняв это за добрый знак.

Путь из одного мира в другой тяжок и долог. Он пролегает через огромное количество пустых Пузырей, в которых обитают ужасающие чудовища. Воистину, лишь очень сильные ноги, ноги охотника, способны преодолеть этот безумный путь.

Он видел гнезда светящихся червей Самбуя, чьи брачные танцы так напоминают конвульсии Богини, на него нападали Гтрчаны и мохнатые Гырхи. Он узрел сиянье Настоящего Огня, плавающего Предвечный лед и Пузыри. Он даже стал свидетелем взрыва кокона Ёртысов, с трудом сумев избежать лютой смерти в жвалах

тысячи голодных новорожденных. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем ужасом и благоговением, которые он испытал, вновь очутившись в мире Шаров.

Внешне иной мир был почти полной копией мира Людей. Исключение составляли лишь сами Шары, огромными студенистыми бурдюками висевшие у ледяного потолка гигантской пещеры. Кроме них, в ином мире жили только неживые чудовища, страшные, но жизненно необходимые. Одно из них У принялся пинать незамедлительно, требуя чашки, ложки, ботинки, крюки и прочие нужные в хозяйстве вещи. Твердое и неподвижное чудовище распахивало широченную пасть и отплевывалось желаемым. Шары всегда смеялись над У и говорили, что машину нужно просто включить, а избивать совсем даже не обязательно, но он никогда не вникал в суть их заумных речей.

— Гав! — взорвалось эхо над его головой, и У от неожиданности упал.

— Опять пожаловал, — оглушительно раскатилось по всей пещере, — давай, троглодит, работай! Собирай ширпотреб.

У злобно глянул на Шара — шутника и побрел к другому зверю, страшно рычащему, но дающему сладкую еду. Самым жутким в мире Шаров был свет. Он то появлялся, то исчезал, мерцал, а иногда потухал совсем. У очень боялся остаться в темноте, окруженным Шарами и воющей нежитью, но жадность гнала его дальше.

Вот этой твари он не видел здесь никогда. Похожая на паука, упавшего на спину, неживая гадина негромко трещала и дергала лапами. Робая в душе, У приблизился

к ней на пару шагов и осторожно тронул ногой. Тварь почему-то залихорадило, У испуганно отскочил в сторону, но из любопытства решил понаблюдать за ее поведением дальше. Опыт предыдущих поколений, да и его собственный говорил, что никто еще не подвергался нападениям со стороны Шаровой нежити. Тварь дернулась, забила лапами, завизжала... и родила Шар!!!

Ошеломленный столь небывалым зрелищем, У застыл на месте. Новорожденный всплыл над родителем — пауком, похлопал жижей внутри себя и только тогда обратил внимание на несчастного охотника. Хвост, прежде спокойно болтавшийся под его брюхом, лениво потянулся к голове У и прилип ко лбу. Разом очнувшись от вяжущего члены столбняка, тот попытался было что-то сделать и уснул.

— Дорогой мой, охотник! Не бойся, это всего лишь сон. Ты очень неудачно родился, У, в ненужное время, в ненужном месте. Я не скажу тебе, что все это значит. Не потому, что не хочу, просто я сам этого не знаю. Кто-то из нас предположил, что мы живем внутри болида, огромного или мизерного куска льда, прорывающегося сквозь какую-то атмосферу. Факты вроде бы налицо: лед вокруг, Настоящий Огонь за стенами, странное тяготение. Чушь! Наверное, это ад. Вы, считающие себя людьми — жалкие калеки, рождаетесь или с руками, или с ногами, мы — величайшие умы Мироздания — летающие мешки с дерьмом, окруженные кладбищем бытовых приборов. Это ад, сынок, по-другому никак. И смерти, выходит, никакой нету, только жизнь, все хуже и хуже. Не бойся, ты забудешь, груз чужих слов и так

чересчур тяжел для тебя. Но видит Бог, если бы я мог, я сам убил бы нас всех, чтобы испить эту чашу до дна и избавиться от тяжких мук...

Его подкинуло диким страхом, что все это было наяву. Вскочив на ноги, первым делом он ощупал себе лоб коленом. Ух, приснилось! И как только он сумел задремать в этом жутком мире Шаров. Зацепив торбу с вещами за пяточный крюк, он почти побежал в сторону дома, стараясь поскорей избавиться от мороков чуждого мира.

У увидел их где-то на третий день пути. Небывало крупный Гырх глодал раздувшегося Самбуя. И было в этой сцене что-то настолько противоестественное, что У остановился, а потом даже подошел поближе. Самбуй был беременным, и это почему-то тревожило У, не давая ему спокойно продолжить собственный путь. Когда из-за глыбы льда на Гырха хлынула Дикая Стая, У нисколько не удивился. До него наконец-то дошло, что все они могли быть страшными врагами, но есть вещи, за которые надо карать вместе. И, ощутив дикую ярость мстящего зверья, он бросил сумку с вещами и кинулся вдогон Гырху. Пелена спала под хруст чужих костей под тяжелыми охотничьими ботинками. Измученный и опустошенный, он добрал до своих пожиток и уснул.

— Это опять я, мой добрый У. Теперь мне еще больше жаль тебя, потому что до конца своего недолгого века ты будешь носить в себя старого и ворчливого Шара. Дикая Охота... Наша ледяная могила заложила в нас самые странные принципы справедливости. Это просто невыносимо, знать, но немочь! Хотя я не могу сказать

тебе, как жить надо, значит, не знаю! Никто не знает как порвать этот порочный круг.

Наутро он вышел к Храму. Богиня была беременна, и в ее вздувшемся прозрачном животе ясно виднелись двое.

— Богиня! — с благоговением шептал У, бессвязно молясь у ее ног, — У них есть ноги и руки! Богиня!!! Они будут великими охотниками!

Мысли, бурлившие в его голове, были настолько невероятными, что он, не помня себя, вышел из Храма, позабыв внутри свои вещи, и побрел в сторону родного Пузыря. Спихватился, вернулся бегом назад. И вспомнил свои сны!

Боль обручем сдавила его маленькую лысую голову. Аукая на разные голоса, вибрировал в мозгу голос Шара, давя и требуя чего-то страшного, такого, на что У пойти не мог. Неожиданно он понял — Шар требует, чтобы он убил собственного сына. Любимого Муса! Явь и небыль смешались в нем так, что он уже не различал границы между ними. Нет! Не Муса, Богиню! Шар хочет, чтобы он убил Богиню и своих будущих детей. Нормальных, замечательных детей, красу и гордость всего его рода! Дикая Охота! Шар думает, что таким образом он убьет себя... и мир! Прекратив мучения... возмездием за неслыханное злодеяние!!!

Потом Шар ушел, а он остался. Вывернутый наизнанку почище вчерашнего. Подобрал ненужные теперь вещи, он пошел домой. Навстречу ему попадались друзья и знакомые, и он молча делился с ними дарами иного мира. Понимая его состояние, к нему никто не лез

с расспросами. Дома его ждал Мус и свежий суп из Гырха. У посмотрел в большие темные глаза сына и понял, что никогда, ни за какие блага в мире не поднимет руку на своих детей. Он с тоской ждал ночи, когда к нему вновь придет Шар, а пока лишь смотрел, как прозрачная двойная льдинка, незаметно тая, плавала в тарелке его сынишки.

ПРОСТЫНЬ

Простынь сбита в комок и свисает лавиной с кровати. Одеяло и подушка лежат на полу грудой ненужного мусора. Он лежит в позе эмбриона. Поза эмбриона... Ему очень хотелось бы скрыться сейчас в теплоте и темноте материнской утробы. Свернувшись в клубок, как голый ежик, он пытается укрыться, спрятаться в себе от ломающего его одиночества. Ломка. Со стены сосулькой свисает свет луны. Тишина. Слышен бег электричества в проводах. Мерно потрескивает приемник у соседей. Он сел на кромку кровати. Взял сигарету, покрутил в руках зажигалку. Задумался. На часах цвело три ночи. Медленно, как в кино, щелкнула зажигалка, и загорелось пламя. Звук оглушил тишину. Свет пламени осветил лицо молодого человека, уставшее лицо. Затяжка. Тишина. Огонек сигареты, как крошечный костер. Он слишком часто стал курить. Может бросить? А для кого? Посмотрел на свою руку и сигарету, зажатую между пальцами. Он любовался красотой поднимающегося к потолку дымка. Он успокоился. Серым снегом падал пепел в стакан с водой. Туда же попал и окурок. Он

лег, натянул на себя одеяло. Проснулся от звука включенного на таймер магнитофона. Будильник. Музыка. Ненавижу. Поднялся. Выключил. Лег. Ненавижу. Уснул...

Она проснулась, зная, что не первый раз за ночь. Станный сон. Она не очень-то удивилась, когда, закурив, увидела в стакане с водой недокуренную сигарету. Станный сон. Хотелось напиться, нажраться, как свинья. Сегодня праздник. Подвалил очередной День города. Сегодня их будет много, будет хорошо и весело. Она попыталась улыбнуться своему отражению в зеркале. Получилось не очень. Прошла на кухню. Сварила кофе. Не почувствовала вкуса. Задумалась. Закурила. Подумала, что надо позвонить подруге; подумала, что давно не разговаривала с друзьями; подумала, что последний день рождения отметили не очень; подумала, что хочет съездить к бабушке; вспомнила, что обещала родителям, что скоро найдет работу, или себе обещала, не помнит; припомнила, что не почистила зубы. Забыла. Стряхнула пепел в вазочку с вареньем. Не заметила. Зазвонил телефон. Открыла дверь — там никого. Поняла, что ошиблась...

Их было много, им было весело и они нажрались, как свиньи. Это был хороший день.

27 февраля 2001 г.

НЕ ТО ЧТОБЫ ВОЛШЕБНИК...

В молодости деда Фима был начальником какой — то там лаборатории. Не то чтобы он с детства мечтал быть кандидатом, а просто так получилось. Это он так говорит. Загребая в тележку ржавые листья. Знаете, такие хрупкие, обгрызенные осенью. К весне от них останутся тонкие скелетики — ножка и веточки, как прототип того дерева, с которого они упали. Деда Фима был химиком. Вот он сидит в идеально белом халате и хрупкими своими пальцами (они и сейчас у него такие) перебирает прозрачно — звонкие колбочки с разными растворами: дзинь — дзинь. Это я задумалась, облизывая ванильные усики от мороженого, — звенят, конечно, не колбочки, а валдайский колоколец, зачем — то привязанный к тележке. Зачем? Деда Фима не говорит, он собирает листья, потому что теперь он дворник. И сколько бы я ни пыталась выпросить у него, репетируя журналистские приемчики, которым учат в “универе”, он не скажет. И в какой лаборатории работал — не говорит, потому что ему стыдно. Может, передо мной, а может, перед самим собой за то, что когда-то он был химиком, а теперь метет листья. Он метет, они падают,

он метет, они снова падают — бесконечный процесс, таящий в себе философский смысл.

Под шапкой у деда Фимы всегда лежат конфеты. Не то чтобы у него не было карманов, а просто его внучок думает, что его деда — волшебник, когда тот из-под шапки достает слипшиеся карамельки в разноцветных фантиках.

Деда Фима живет в маленькой квартирке под самой крышей. Если идет дождь, в углу на потолке появляется серое пятно. Кап... кап... вода попадает прямо в подставленный тазик. Не то чтобы ему нравилось там жить, а просто дети разъехались кто куда, а ему оставили эту комнатенку с двумя окнами: одно на запад, другое на восток. Когда деда Фима распахивает форточку в западном — на город спускаются сумерки и дома открывают желтые глаза. Так он говорит, бросая горящую спичку в большую кучу собранных — таки листьев. Огонек облизывается и жадно набрасывается на свою добычу. Деда Фима прикуривает от хрустящей веточки и выпускает кудрявую струю дыма в бесконечную синеву неба. Когда он курит, по углам рождается туман — липкий и густой, из него можно лепить облака.

Когда деда Фима был молодым, он думал, что дворниками работают только безграмотные, а теперь он раздувает прах сгоревших листьев, и от этого трава покрывается ледяной броней, а последняя гусеница запаковывается в свой спальный мешок.

И не то чтобы я верила, будто деда Фима настоящий волшебник, а просто если бы он не сжег эти остатки лета, осень никогда бы не наступила.

НЕ ЛЮБОВЬ...

— Юля, нам с тобой надо серьезно поговорить. Вид у Вовки был непреклонный и пасмурный.

— Понимаешь, в жизни бывает всякое. Люди встречаются и очень часто расстаются по независящим от них причинам. Их разрывает неведомая сила, которую принято называть судьбой. Много зависит от обстоятельств. Мы с тобой еще очень молоды... - Вовка виновато вздохнул и поднял к солнцу свои необыкновенные глаза. Они у него бронзовые с зеленым ободком, а сейчас осеннее солнце из последних сил вприснуло свои лучи прямо в зрачки. Получилось красиво: будто часть веснушек с носа перепрыгнула в глаза.

— Знаешь, мне очень грустно тебе об этом говорить, к тому же ты слишком много для меня значишь, и мне бы хотелось, чтобы ты помнила только о хорошем... Вовка с остервенением принялся общипывать чахлую ромашку. Толстый, отъевшийся за лето шмель засунул свою небритую мордочку прямо в бордовую пасть Львиного Зева, жадно всосался, но цветок оказался пустым. Шмель с трудом выбрался наружу и улетел, ворчливо жундя.

— Все когда-нибудь кончается. Видишь, и лето кончилось.

— Сотни золотистых мушек взметнулись в небо, закружились и медленно осели на траву. Ржавые крапинки опавших листьев слабо шевельнулись и замерли.

— Ты очень красивая и умная, и я не хочу, чтобы ты из-за меня переживала.

— Если бы Вовка был постарше, он бы знал, что подобные слова — суть кавычки расставляемые либо до, либо после романа.

— В общем, ты очень хорошая, но я не могу на тебе жениться.

— Почему? — Юля взмахнула своими пудовыми ресницами и чуть было не расплакалась, но женская гордость где-то внутри сплюснула поднимавшийся к горлу соленый комок

— Потому, что меня переводят в другой детский сад.

Вовка ковырнул ногой валявшийся на пыльной дорожке зеленый камушек и укатил из августа в сентябрь на своем “Орленке” с беспечной жестокостью пятилетнего Дон Жуана.

Оборотень

Мир, окутанный мраком, ночью спит в тишине,
И лишь мне не заснуть при полной луне.
Голос крови зовет, и луна, как магнит,
Из норы меня в ночь за собою манит.
Я создание тьмы, и не нужен мне свет:
Там, где нет темноты, там меня уже нет.
Я по миру бреду тенью в мире теней,
И покоя мне нет до скончания дней.
Льется песня моя средь безмолвия скал,
И безумен клыков обнаженных оскал...
А когда-то и я и мечтал, и любил,
Ненавидел — и все же пощаду дарил.
Но то время прошло, берегитесь, теперь
Нет во мне человека, остался лишь зверь.
Лишь в глубинах сознания души часть живет,
Умереть там не может и надеется, ждет.
Ждет, что кто-то полюбит меня, приютит,
Ждет на дне и все также надежду хранит.
Но не любят, не ждут, и по зову луны
Я по миру бреду... Мои мысли темны.

* * *

О, эти ласковые руки,
И наш последний поцелуй,
И горьких слов пустые звуки
Стекают влагой по лицу.

Так надо. Почему, не знаю.
Растягивая в вечность миг,
Я до утра с тобой прощаюсь
Во власти предрассветной тьмы.

Светает. И бледнеют тени,
И нет продолжить пытку сил.
Пусть на лице следы сомнений,
Ты тихо шепчешь мне: Прости...

Уходишь. Знаю, не вернешься,
Да, знаю, знаю!.. Но молчу.
Я знаю, ты не обернешься,
Пусть даже если закричу...

О, эти ласковые руки.
Прощай. И горечь на щеках.
И обрекая на разлуку,
Безмолвное "вернись" в глазах.

* * *

Весны дыханием согреты
Прекрасны первые цветы,
И ты как первый лучик света
В просторах звездной пустоты.

Струна нетронутая лиры,
В звенящей тишине весны
Ты — солнце в этом сером мире,
Тобою дни озарены.

* * *

Как упоительно не знать
Твои болячки и причуды,
Надеясь, робко ожидать
Короткой встречи, словно чуда.

Мечтать, как может лишь поэт,
Рисуя образ сердцу милый,
И в нарисованный портрет
Влюбится с молодой силой.

Искать, бороться и любить,
И поклоняться идеалу,
И, не умея просто жить,
Не замечать оригинала.

* * *

Печальный ветер плакал о любви,
Что ты одна, что больше нет такой,
А я... твоё дыхание ловил,
Тебя обняв, склонившись над тобой.

Чуть тлела ночь. Под покрывалом звезд
Переплелись в пожатьи наши руки,
И марево полузабытых грез
Навеяли рыдающие звуки.

Луна мерцала тусклым фонарем,
Колебля пошатнувшиеся тени.
Над нами прокатился первый гром,
А я... поцеловал твои колени.

И взывший ветер яростно шептал
Исполненные ревностью проклятья,
И сладкий вздох мне грудь мою вздымал
И ночь дарила нам свои объятья.

Пылала ночь. И в безутешный вой
Вплетались стоны сладострастной муки.
Да, ты одна, и больше нет такой...
Пылала ночь... И разжимались руки.

* * *

Нет дороги назад. Все затянуто мглой,
Пеленою забвенья, туманом тревог.
Будто кто-то жестоко играет со мною,
И смеется окутанный мраком игрок.

Его смех, беспощадный, насмешливо-жуткий
Рвет мне сердце и кожу срывает с костей.
Также скалится череп неведомой шутке,
И в оскале его горечь тысяч смертей.

Кто ты? Где ты? Бесплотное эхо,
Рассыпаясь, дробясь в окружающей тьме,
Отзывается злым и презрительным смехом.
Я песчинка в его бесконечной игре.

Как все сложно, как глупо, безумно, нелепо.
Где наивность моя и невинный мой взгляд?
Где же ты, безграничное детское небо?
Где ты, юность моя?! Нет дороги назад.

Я один, а вокруг многотысячный город.
Заплутавший старик у развилки дорог.
Что с того, что годами я все еще молод, -
Моя старость в душе, я душой одинок.

Я один посреди вечной тьмы безвременья
Без надежды и смысла куда-то иду.
Нет дороги назад. И без тени сомненья
Я считаю шаги, уходя в темноту.

ПЕСНЯ О СТУДЕНТЕ

В мрачных холлах Универа воздух сессии витает.
Вдоль по бурным коридорам Студиоз плетется гордый,
спотыкаясь на экзамен.

То плечом стены касаясь, то в людской поток ныряя,
он идет — и люди чувят едкий жар его дыханья.

Дышит он — и расступают-ся пред ним людские
массы. В взгляде — знание предмета (или хоть его
названия).

Пены прочь седые хлопья яростно Студент сдувает:
он идет бутылкой пива — верным спутником похмелья.

В классе стонут человеки, нервно мечутся, стеная,
теребят в руках зачетки, уповая на халяву.

И заучки тоже стонут, им, заучкам, недоступно
наслажденье разговором о грибах и Кастанеде на ночной
курящей кухне.

Злой ботаник робко прячет шпоры толстые под
партой. У Студента флагов нету, он ликует, зная только
имя-отчество доцента.

С грохотом разверзлись двери. Гнев и ужас. Входит
препод, рея галстуком зеленым, черный демон пересдачи.

Он глумится, бог завала: — не поставлю даже тройки,
— пену с губ взрывая в брызги, хохоча, очкастый призрак,
бьет указкой — Не поставлю!

*Только Студииз геройский мутным взором режет
небо. В взоре этом — страсть к победе, буря проведенной
ночи, жажда пива и стипухи.*

И кричит Студент: боль битвы, головы и за Отчизну,
пафос бури нецензурный. Крик, вздымая децибелы, рев
экзамена пронзает:

— Пусть сильнее валит препод!

Вселенная

Нам ли нежиться да поживать,
мы —

авангард человечества.

Мира

ворочаем рычаги.

Прыщавая юность в кабину истории
рвется:

“Деда, дай порулить”.

Вперед, земношарый локомотив,

выработанного века валит пар,

мы топим всекатарсисный пожар

углем традиций и стереотипов.

Молодостью попорана геенна,

в соки ждем обывательства клюкву,

статика нами племена:

отныне слово “Вселенная”

пишется с маленькой буквы.

*Факты, время и пространство
в "Байках" искажено...*

Алексей Максимович Горький очень любил основывать Университеты. Даже мемуары об этом написал — "Мои Университеты".

@@@

Алексей Максимович Горький очень любил бюсты. Бывало, образуют где-нибудь Университет, а Горький тут как тут и условие выдвигает: чтоб обязательно в фойе чей-нибудь бюст стоял.

@@@

Алексей Максимович Горький очень любил бюсты. Но не умел. Бывало, подойдет к какой-нибудь рабфаковке, а она ему сразу указывает "к.... матери". Так родилась вторая часть романа "Мать", написанная по указке.

@@@

Алексей Максимович Горький очень любил Оперный театр. А оперу не любил. Бывало, сядут с Лениным за Оперный, возьмут пивка... Глядишь, и Свердлов подтягивается.

@@@

Поссорился как-то Алексей Максимович Горький с Лениным. И ушел к Куйбышеву. Потом, правда, помирились, только с тех пор Горький часто метался: с Ленина на Куйбышева, с Куйбышева на Ленина.

@@@

Алексей Максимович Горький очень не любил “Скифов”. Бывало, курит трубку на лестнице, вдруг штык в спину: “не положено, пройдемте”. Даже расстрелять хотели, да Горький вырвался и уехал на Капри.

@@@

Алексей Максимович Горький очень любил студентов. Бывало, поднимется на рабфак, рабфаковцы его окружают, выются, а он их по головке гладит, автографами в зачетках одаривает...

@@@

Алексей Максимович Горький очень любил переодеваться. Бывало, оденется Лениным и придет в Универ. Все его ищут, волнуются, а он стоит в сторонке, щурится и хихикает.

@@@

Приходит как-то Алексей Максимович Горький в Универ, а Скиф его не узнает. Гони, - говорит, - документ, контра, а то пристерлю. Показал Горький документ... Покраснел Скиф, взял под под козырек... а глаза добрые-добрые...

@@@

Переоделся как-то Алексей Максимович Горький Лениным и пошел в гости к Сталину. Удивился Иосиф Виссарионович, — кто ты? — спрашивает. Ленин — просто отвечает. --Ленин? — Так и сел старик.

Данная статья аспиранта кафедры периодической печати помещена для студентов, обучающихся на военной кафедре для того, чтобы они уже сейчас начали готовиться к предстоящим сборам и не задавали дурацких вопросов “А как там?” и подобные студентам, прошедшим военные сборы.

СТУДЕНТЫ В ВОЕННОЙ ФОРМЕ

Как известно, во многих наших вузах существуют еще военные кафедры. Студенты, желающие получить офицерское звание (чтобы если уж “загреметь” в армию, то хотя бы со звездочками на погонах), постигают азы ратного дела. Есть такая возможность и у студентов Уральского государственного университета, к которым я имею честь принадлежать. В течение двух с половиной лет мы изучали военную науку в теории, сидя в классах, а вот в нынешнем июле пришла пора применить все эти знания на практике. Так мы попали на военные сборы — заключительный этап подготовки на военной кафедре.

Под дождем с лопатами

Жили мы в палаточном лагере на полигоне 32-го военного городка. Двести с лишним студентов в кирзовых сапогах и армейских пилотках со звездочками — зрелище!

Первую неделю июля, в самом начале сборов, погода стояла на редкость гадкая. Под почти непрекращающимся дождем мы занимались обустройством лагеря в целом и своих палаток в частности. Чтобы уберечь себя и свои вещи от воды, таскали в палатки бревна, доски, сосновые ветки, кирпичи — словом, все, что подвернется под руку. Тогда и усвоили, что лопата — это, оказывается, универсальный инструмент, которым можно и откалывать кирпичи, и обрубать ветки, и косить траву. Нельзя ею разве что только зубы чистить.

В палатках размещалось до одиннадцати человек. Спать было тесновато, но мы не роптали на судьбу, потому и удостоились похвалы со стороны преподавателей за стойкость.

Как нас кормили и чем поили

Ныть по поводу еды у нас особых причин не было. Если закрыть глаза на отдельные недостатки — здоровенные комки в каше, привкус солянки в чае, — кормили нас вполне нормально. После же того, как мне однажды довелось отведать солдатской пищи в столовой 32-го военного городка — суп, напоминающий мутную воду, такой же консистенции каша и компот, похожий на что угодно, но только не на компот, — я понял, что наша еда — почти из ресторана. С тех пор, наши полковники ужесточили контроль над процессом приготовления пищи, в каше даже стали появляться кусочки тушенки, заметные невооруженным глазом. А на сигареты у солдат из кухонного персонала можно было выменять сколько угодно добавочного компота и хлеба.

Вот с питьевой водой проблемы имелись. Ее, собственно, вообще в лагере не было. Добывали водичку из пожарных гидрантов городка и из лужи, в шутку названной родником. Сначала, за неимением лучшего, приходилось использовать эту воду. Потом уже поумнели и стали привозить чистую воду из дома, благо каждые выходные нам положено было увольнение.

Как мы ректору отвечали

В конце первой недели сборов мы принимали присягу. К этому времени нас уже более- менее научили ходить строем, поворачиваясь напр-ра-аво, нал-ле-ево и в другие стороны. Знали мы и то, что если нас хвалят, мы должны хором орать “Служим Отечеству!”, а если перед нами произнесли торжественную речь — должны сотрясти местность троекратным “Ура!”. На присягу в качестве почетного гостя прибыл ректор УрГУ Владимир Евгеньевич Третьяков. Похвалил нас и пожелал успехов в освоении военной науки. В ответ одна половина студентов воодушевленно закричала “Ура!”, а вторая — “Служим Отечеству!”.

“Спят усталые курсанты...”

Но вот началась нормальная военная подготовка. Мы водили боевую технику (и лежали под ней), стреляли из различного оружия, очищали лес от “мин”, на гражданском языке называемых маслятами и подосиновиками, спали и играли в карты во время самоподготовки. С этого времени мы, пожалуй, больше отдыхали, чем трудились. Неофициальный “сон-час” был практически ежедневно и длился

(особенно когда шел дождь) часов этак пять. Правда, заснуть после отбоя потом было практически невозможно. Студенты, на месяц переименованные в курсантов, решали эту проблему по-разному. Некоторые после ужина изматывали себя игрой в футбол или волейбол, некоторые на вечерней прогулке морально готовились ко сну с помощью колыбельных песен, некоторые до глубокой ночи читали книжки и болтали о жизни.

Иногда, конечно, приходилось и поработать. Нас отправляли копать ямы для мусора, косить траву на полигоне (лопатами, конечно же), грузить ящики со снарядами. А однажды по просьбе ректората наш второй взвод второй роты полдня разгружал из вагонов раковины, унитазаы, паркетные плитки, а потом выгружал всю эту прелесть в “закрома” родного университета. За эту работу ректор объявил нам благодарность и вручил каждому по красивой сторублевке.

Итоговые посиделки

В трудах и снах время пролетело незаметно и даже приятно. Пришел день выпускного экзамена. Прошел он благополучно, по крайней мере, ниже “четверки” никто не заработал.

И вот уже разобраны палатки, казенное имущество вернулось в городок, мы облачились в родную гражданскую одежду и двинулись по домам. А напоследок решили посидеть на полянке рядом с автобусной остановкой — строили планы на будущее и вспоминали дни, проведенные в лагере. Вспомнили полковника Григоренко, который всегда с пониманием относился к

проблемам своих подчиненных, и полковника Мишина, интересно и с энтузиазмом проводившего свои занятия. В общем, месяц, проведенный на сборах, был прожит нами не зря. Мы не только хорошенько отоспались и надышались чистым воздухом, но и подзаработали немного денег, и даже научились обращаться с оружием и военной техникой. По крайней мере, орудовать лопатой мы теперь, скажу без преувеличения, можем профессионально.

ДАЙДЖЕСТ ГАЗЕТЫ “ШТОПОР”

Тип: еженедельное паразитически-маразматическое издание

Девиз: Что написано пером, не вырубишь штопором

Адрес: г. Екатеринбург, Ленина, 51 (главное здание УрГУ),
4 этаж, факультет журналистики, 1-ый курс.

Редколлегия:

Главный вред — *Дмитрий Пищулин*

Худо вред — *Дмитрий Охотников*

Техно вред — *Саня Х.*

Просто вреды и все — *Антон Валов и Юлия Ионушайте*

*Редакция газеты “Штопор” не всегда согласна с собственным
мнением.*

А теперь собственно дайджест

Ну-у-увости юбилея УрГУ

Завтра в цирке — Битва Века! Претендент против чемпиона. Слон африканский, кличка “Бивень”, и ректор Ургувайский, кличка “Профессор”. Победитель получает пояс чемпиона, побежденного получает столовая УрГУ. Ставки принимаются 1:12 в пользу ректора. Откус ушей, отрыв хвостов и пиво в буфете гарантированы.

КрЫминал

Вчера предохранительные органы задержали лазутчика вражеских СМИ. Враждебный элемент покушался на редакционный портфель газеты “Штопор”. Подлец наказан. Как стало известно из кругов близких к редактору, в портфеле находились бутылка, полбатона и банка килек.

Ну-у-висти масс медиа

Грандиознейшая и сенсационнейшая новость! Редакцию “Штопора” пытались подкупить некие таинственные личности из профбюро факультета, предлагая горы золота и бесплатную путевку в профилакто-

рий. Редакция “Штопора” наотрез ... согласилась и публично
продалась таинственным личностям в очках.

А вы еще говорите “качественная неподкупная журналистика”!

Сенсация

Наконец-то наш литредактор открыл истинное и окончательное
толкование слова ТЕЗАУРУС. Оказывается это клич крестоносцев
на Чудском озере: “Те зау, Рус!”, что в переводе означает: “Идите
вы, русские, в з...!”. Русские обиделись и пошли. Итог общеизвестен.
Смерды ликовали.

*С чудского озера,
наш специальный корреспондент*

Штопоризмы

Человек человеку в рожу

Жизнь — игра: сюжет фиговый, но графика-а-а!

Хороший физрук — мертвый физрук

Вот она лысая правда!

Ctrl! Alt! Смирно!

Объявления

Редакции “Штопора” требуются тупые, скучные репортеры, со
схавшей крышей не менее чем на пять метров. Оставляйте ваши
координаты ЗДЕСЬ.

***

Парикмахерская имени Б. Н. Лозовского. Для тех, кто не боится
рисковать. Гарантия качества (Спросите у Юлии Ионушайте)

Спецбред

В последнее время над всеми нами встала, широко раскинув
ноги, проблема тех-мед-осмотра. Ни для кого не секрет, что так
надо, но секретом для очень многих остается, что же это такое. Как
показал спецопрос (с применением кувалды), произведенный автором
этой статьи, лишь 33% смогли сформулировать в двух словах ссуть
этой проблемы. Ссуть оказалась просто извращением над личностью.
Появляется закономерный вопрос, как следует бороться с этой
проблемой. Редакция затрудняется ответить на этот вопрос (только
за \$\$\$\$). Время покажет.

Конкурс

Итак, наш новый конкурс на лучшее изречение, увиденное вами на партах УрГУ.

Природа женщины проста,
Но вечно склонна к укоризне,
То нету в жизни мужика,
То есть мужик, но нету жизни.

И настроение бодрое
И мыслях ералаш,
Когда в желудке плещется,
C₂H₅ОН.

. Курить я буду, но пить не брошу.

Все остальные произведения-участники не публикуются по цензурным соображениям.

Kill the БОБР

“Человек — самое опасное животное” — сказал классик, но он ошибался: БОБРЫ — ОПАСНЕЕ ИХ НЕТ!!!

Они ежеминутно лишают нас МИЛЛИОНОВ карандашей, табуреток, деревянных игрушек и даже обычной бумаги.

В связи с этим следующее:

- * Съел бобра — спас дерево (китайская народная мудрость)
- * Бобр — это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма калорийного, легкоусвояемого мяса.
- * Хороший бобр — мертвый бобр.
- * Бобр бобру не товарищ, а обед
- * Одного бобра на шапку мало (нам “Гринпис” не помеха!).

Семь признаков того, что ты журфакер

1. Вам всегда хочется (есть)
2. Когда вас будят, вы отвечаете: “Проездной!” и, повернувшись на другой бок, машинально засыпаете.
3. Хлеб и майонез для вас теперь отдельные блюда.
4. Слушая радио, вы машинально его конспектируете.
5. Разговаривая с мамой по телефону, вы силитесь найти в ее речи фонетические и стилистические ошибки.

6. Подписывая новогодние открытки, вы ставите после подписи номер своей группы.
7. Самый ненавистный для вас язык — русский.

Малый экзаменационный толковник (для преподавателей)

Студент не молчит, он мыслит.

Студент не мямлит, он рассуждает.

Студент всегда знает, что ответить, но не уверен кому, когда, где и зачем это **ВООБЩЕ**.

Студент всегда отвечает по существу, просто он всегда использует разные источники.

Вопрос никогда не вызывает у студента затруднений, затруднения вызывает ответ.

Студент не списывает, он цитирует.

Единственное, что отличает шпору от конспекта — кегль.

Уверенность студента при ответе находится в прямой зависимости от поступательно вращательных движений головы препода.

Студент не тонет, он пока еще плавает.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БАНКЕТА

В СТЕННОМ ВАРИАНТЕ ГАЗЕТЫ “Штопор”

ДВА РАЗА В МЕСЯЦ.

»СЕМ «РИВЕТ!!!!!!